

A soccer ball is shown in the upper half of the image, with a bright, glowing crack running across its surface. The background is dark and textured, featuring faint, repeating logos of various sports teams. Below the ball, there are several small, red, flame-like or spark-like elements.

Михаил Уржаков

КУЛУАНГВА

The Ball

Михаил Уржаков

Кулуангва

«Издательские решения»

Уржаков М.

Кулуангва / М. Уржаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747025-8

Аргентинский мальчик, обожающий футбол, профессор истории МГУ, российский бизнесмен-миллионер, свободный художник, молодая женщина из племени майя, ожидающая ребенка, и... великий физик Никола Тесла. Их всех, живущих в разное время и в разных местах, словно бы сводит черный каучуковый мяч, преисполненный мистическими, необъяснимыми свойствами. Книга — мозаика, и читатель становится соучастником опасной, азартной игры, угадывая ходы и принимая пасы. Чем кончится эта игра? Кто в ней победитель?

ISBN 978-5-44-747025-8

© Уржаков М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	45
Глава 15	49
Глава 16	52
Глава 17	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кулуангва The Ball

Михаил Уржаков

© Михаил Уржаков, 2016

Редактор Марина Константинова

Редактор Марта Шарлай

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор выражает искреннюю благодарность

Марине Константиновой, Алексею Могилевскому, Дмитрию и Елене Тихоступ,
Ольге Мироновой и Марие Узиковой за помощь в создании этого проекта.

Уржаков, Михаил

Аргентинский мальчик, который обожает футбол, пожилой профессор истории МГУ, российский бизнесмен-миллионер и свободный художник – маргинал, молодая женщина из племени майя, ожидающая ребенка, и... великий физик Никола Тесла. Их всех, живущих в разное время и в разных местах, словно бы сводит черный каучуковый мяч, преисполненный мистическими, необъяснимыми свойствами. Но крепко держать этот мяч в руках – одно, совсем другое дело – отказаться от него.

Михаил Уржаков собирает свою книгу, словно мозаику, и читатель, втянутый в этот процесс, становится соучастником великолепной, вполне азартной игры, угадывая ходы и принимая пасы. Чем кончится эта игра? Кто в ней победитель?

© Михаил Уржаков, 2016

© Елена Тихоступ, обложка, 2016

...устрица не ведает, кому
принадлежит ее жемчужина.

Конфуций

«Идите к обрыву», – сказал он.
Они ответили: «Мы боимся».
«Идите к обрыву», – сказал он.
Они подошли.
Он толкнул их...
...и они взлетели.

Гийом Аполлинер

Пролог

– Костя-ааа! Ко-оость! Костя-аан! Пофли фуубо-о-ол игхать! Выходи во двох!

– Ма-а-а-альчик, отойди от машины! Не прислоняйся к машине, ма-а-альчик! Отойди от ма-а-ашины!

– Что вы орете на мальчишку, Рудольф Самуилович! Кому ваша «копейка» нужна! Сашенька! Костя спит! С папкой рыбачить с утра раннего ездили, поздно вернулись. Давайте без него там попинайте. А после обеда еще его покричи, может, он встанет. Или завтра поиграете – каникулы же!

– Ла-ана, Те-ооть Рии-ит!

– Мальчик, отойди от машины!

Глава 1

70°4'36»N

170°51'20»E

Чукотка, Чаунский район, 167 километров к северу от поселка Вумалка.

4 ноября 1997 года

«...сто двадцать семь, сто двадцать восемь, сто двадцать девять, сто тридцать... Прости, больше не могу. Дай мне передохнуть... как дал вчера, а может, два дня назад, или три... а скорей всего, два часа назад. Кто его разберет, это застывшее время? И мой застывший в этой метели путь... Мы ведь люди. А люди не песок, мы можем идти против ветра, пока хватает сил. Опять философствую. Иди и молчи... сто тридцать один, сто тридцать два... Еще немного до ста сорока шагов – и... спать».

Путник в одежде, похожей на скафандр из папье-маше, бормоча под нос понятные только ему слова, брел сквозь сбивающую с ног пургу, сквозь сугробы, жестокий мороз и непроглядную темень. Он не смотрел вперед или по сторонам, он шел, словно по выверенному пути. Из прорех балахона ветер рвал клочками птичий пух.

«...сто тридцать три...»

Человек устало остановился. «Кулуангва, давай договоримся, что завтра я пройду на семь шагов больше, чем сегодня. А сейчас я должен лечь, просто должен лечь...»

Отвернувшись от ветра, он неуклюже, боком повалился в сугроб, поджал под себя колени, не переставая крепко обхватывать себя руками, будто страхась расстаться с самим собой. Ураган сразу же начал укрывать снегом его плечи, голову в мешковатом капюшоне, ноги в порванных на коленях бесформенных штанах, его странного вида кожаную сумку, напоминающую саквояж, перехваченную за спиной, будто ремнями, лоскутами кожи.

«...сто тридцать четыре...»

Онемевшими от мороза руками путник с большим трудом разорвал на груди бумажный комбинезон и вытащил нечто, напоминающее черный клубок. Или, может, кокосовый орех? Но нет, это явно не было вязальным клубком, не было оно и экзотическим плодом. Это был черный, слегка потерявший форму... мяч? Кто-то сильно погрыз его: на боках виднелись бороздки, словно бы усердные мыши изучали неведомое нечто, оказавшееся на их пути. Кроме того, предмет отмечало небольшое круглое клеймо с изображением странного пляшущего человечка, окаймленного непонятными знаками. Подобными клеймами в других краях прижигают крупнорогатый скот и лошадей, перед тем как пустить в стадо.

«...сто тридцать пять...»

Похожий на мяч предмет жил в окоченевших руках путника своей жизнью. Казалось, он источал горячий воздух, и снег, не долетая до него, таял белым паром, обволакивая грудь, лицо и обветренные руки усталого человека.

Путник откинул голову, высвобождая ее из-под капюшона. Изможденное, высохшее до костей лицо, многодневная клочковатая щетина, бесцветные волосы, прилипшие ко лбу. Однако глубоко запавшие выцветшие глаза были полны света. Непослушными пальцами правой руки он отправил в рот щепоть колючего снега. На потрескавшихся губах выступила кровь. Закашлялся. Снова откинув голову, человек внезапно ударился затылком, пробормотал: «...сто тридцать шесть...» Резко повернувшись, насколько хватило сил, он стал раскапывать сугроб за головой. Пальцы его наткнулись на что-то твердое, и через мгновение он обнаружил черный базальт. Схватив мяч обеими руками, человек прижал его к холодному камню и прошептал: «Кулуангва, брат, смотри! Мы дошли, родной! Ты был прав! Это – твоя Большая земля! Я сделал, как ты хотел, – я дошел! Ты дошел!»

«...сто тридцать семь, сто тридцать восемь, сто тридцать девять...»

Крепко стиснув мяч, он прижался спиной к валуну и заплакал. Тем временем шторм со стороны Чукотского моря нес тонны снега, и путника заносило – вокруг него образовался сугроб-берлога. Незасыпанными оставались лишь голова и руки с мячом на груди. Мяч продолжал плавить снег вокруг себя. Путник же отрешенно смотрел в снежную круговерть над головой, в то, что когда-то было небом. Его запекшиеся губы тихо прошептали: «А знаешь что, ведь я завтра уже никуда не пойду, брат Кулуангва. Следующие сто сорок шагов тебе придется скакать самому». Путник обмяк и снова закашлялся, но теперь уже от лающего смеха. «Спасибо тебе, родной, что довел меня до этого валуна... Так вот, где таилась могила моя...» Порыв ветра вырвал из дыр капюшона серый пух. Смешавшись со снегом, пуховые комочки опустились на поверхность черного мяча и вдруг полыхнули искрами голубого пламени, словно ночные мотыльки над старой керосиновой лампой.

Мяч насквозь прожег промокший бумажный скафандр, медленно втаил во впалую грудь путника и злым ожогом стянул сухую кожу, обнажая розовые ребра несчастного. Но человек не застонал, не вздрогнул, не пошевелился, чтобы стряхнуть с себя пепел от бумаги и пуха. Человек был мертв. В его стекленеющих глазах снежный шторм на мгновение распался, открылось чистое звездное небо, внезапно окрасившееся в изумрудно-зеленый цвет. Затем пурга вновь сомкнула завесу и окончательно замела неподвижное тело. Мяч же, который мертвец крепко прижимал к себе, начал медленно остывать и вскоре превратился в черный булыжник.

«...сто сорок...»

Побережье Чукотского моря

То же самое время.

- Совсем плохая охота тут стала, однако...
- Еще день-два этак пометет, и про охоту можно забыть.
- Эк оно зарядило! Давненько так-то не бывало.

Двое эвенков в тяжелых длиннополых оленьих малицах, тихо, словно боясь кого-то спугнуть, переговариваются в яранге. Ладони протянуты к шипящему огню жирника. Узкие глаза поблескивают при каждом колебании пламени. В дыре под потолком почти по-волчьи воет ветер. Холодно. Редкие снежинки, влетая внутрь, легко планируют, шипят на поверхности жирника. За стеной из натянутых шкур вдруг тревожно и глухо захрипели олени. Две лайки в углу наострили уши.

- Что это? Ни медведей, ни волков тут отродясь не было. Пойду-ка я проверю.

Один из охотников выполз наружу, едва не запутавшись винтовкой в наброшенных на шесты шкурах. Вернувшись, бросил своему спутнику:

- Утром, однако, уходить надо. Небо зеленое совсем. Шторм идет. Большой шторм.
- Да, плохое место... – трепля загривок лайки и шурясь на пламя, ответил второй охотник. – Поспим, а утром тронемся. Что олени?
- Да что им будет?..

До занесенной снегом яранги кочующих оленеводов из поселка Вумалка несчастному путнику оставалось пройти всего несколько десятков шагов.

Звонко взвыла лайка: уууууу-ааа-у-у-у-у!

Глава 2

20°40'25»N

88°34'31»W

Чичен-Ица, полуостров Юкатан, Мексика.

2 октября 1520 года

Уу-у-уу... Ааа-аааа...

Веки тяжело разомкнулись. Но картинка перед глазами нечеткая. Желто-зеленые всполохи, вспышки света сквозь молочную пелену век. Она не сразу поняла, что ее разбудило. То ли глухой стон из глубины хижины, то ли очередные пинки в утробе. Пинки в последнее время становились все чаще. Ребенок чувствовал недостаток воды в организме матери и требовал жидкости. Для Толаны это первые роды. Она не знала, как унять в себе бьющийся плод, и во многом действовала наобум.

Мать ее мужа, Ма-Ис, старая женщина, сама едва ходила. Удивительно, что она еще на ногах! Почти все ее сверстницы – старухи, на которых держалось обучение племени и присмотр за малолетками, – одна за другой высохли на глазах за последние три недели. Каждое утро они вывешивали у дверей своих хижин цветные покрывала в знак, что еще живы, потом возвращались внутрь и лежали неподвижно в сухой пустоте до захода солнца. В хижину, на дверях которой такой знак отсутствовал, жрец племени Вак Балама посылал двух воинов. Завернутых в одеяла мертвецов выносили за площадь Тысячи Колонн, за храм Штолока, туда, где заканчивалось маисовое поле, так и не давшее нынче урожая. Тела бросали и заваливали камнями, чтобы обезумевшие от жары, голода и жажды дикие животные не растаскали трупы. Каждый новый мертвец – поверх старого захоронения, и все опять заваливалось камнями. Кругом стоял смрад. Воины перевязывали себе лица, оставляя лишь щель для глаз. По ночам вокруг могильного холма выставляли горящие факелы, отпугивали животных криками, били колотушками по стволам сухих деревьев, стучали в барабаны.

Толана вставала совсем рано, до восхода, и, осторожно, распрямив плечи и сложив руки на поясице, по-утиному переступая, отправлялась в заросли у поселка, окружающего городскую стену, чтобы собрать капли росы на широких листьях ол-ка-хио. Крупные капли стряхивала в глиняную плошку, мелкие просто слизывала языком. Через час язык распухал. И так – каждое утро, вот уже в течение четырех лун. Другой воды не было.

Ребенок в ней требовал воды и еды, он хотел жить. До его появления, судя по предсказанию старухи-матери, оставалось совсем немного – две луны. А ходить Толане становилось все трудней. Первое время она еще добиралась до Священного сенота, осторожно ступая босиком по окаменевшей выжженной земле. Она подходила к самому краю провала и напряженно вглядывалась вглубь. Пришла ли вода, смилостивились ли боги? Но в нос ударял все тот же сладковатый запах разлагающихся трупов – бедных девушек, среди которых была и ее совсем маленькая сестра. Толану передергивало от отвращения, порой тошнило, и потому в последние дни она бросила свои походы к мертвому сеноту¹.

Толана хотела было сразу пойти собирать утреннюю влагу с листьев, но солнце стояло уже высоко, и она поняла, что спала намного дольше обычного. Кроме того, язык раздирала острая боль. Толана провела ладонью по лицу и нащупала коросту запекшейся крови. Двумя пальцами

¹ Сенот (*исп.* cenote) – естественный колодец, образовавшийся в результате обрушения сводов известняковых пещер с протекающими в них подземными водами. По легендам майя, в Священном сеноте в Чичен-Ице (достигавшем более 60 м в диаметре) жил бог дождя Чаак, которому нужно было приносить человеческие жертвы и богатые дары в обмен на живительную влагу. – *Здесь и далее примеч. ред.*

дотронулась до опухшего языка, потрогала шрам посередине. Хоть он и затянулся, но каждое движение языком причиняло боль. Боль отдавалась и в большом животе, уже начавшем сползать вниз – знак приближения родов. Женщина повела головой, покачивая ею вправо-влево, пытаясь стряхнуть оцепенение и восстановить события вчерашнего дня. Боль нигде больше не отозвалась, она жила лишь в животе и на кончике языка.

Легкий шорох и стоны заставили Толану оглянуться. В углу хижины на старом тряпье, под полосатым одеялом глухо стонал ее муж – Кулуангва. Всю нижнюю часть одеяла покрывали пятна запекшейся крови. Мужчина лежал на спине и что-то невнятно шептал. Толана наклонилась ниже, чтобы разобрать слова мужа.

– Завтра... все будет хорошо! Нам сказал Вак Балама, помнишь? Завтра пойдет дождь! Мы напоили Чаака. Мы сделали... Он теперь доволен. Он напоит нас. Он должен... нашего ребенка. – Его голос сорвался и затих.

– Да, Кулуангва. – Толана еле ворочала распухшим языком.

Она положила голову мужу на грудь и прикрыла глаза. Вспышками приходили воспоминания из вчерашнего дня. Верховный жрец Вак Балама рассказал им притчу в храме.

Путь, который избрали другие племена, был путь побежденных, когда отдавали то, что находилось у них под грудью и подмышками, чтобы это расцвело. А такое цветение означало, что каждое то племя принесено Чааку в жертву, у них вырваны сердца. Но до этого Чаак передал свое могущество роду Баламы. Баламе-Кице, Баламе-Акабом и Ики-Баламе. Моим славным предкам. Он передает эту силу до сих пор, и эта сила еще никогда не обманывала нас. Мы привыкли воздерживаться от пищи, пока ожидаем появления зари. Мы бодрствуем, ожидая восхода солнца. Мы сторожа Великой Звезды, что поднимается первой перед солнцем, когда занимается день. Туда, к восходу, устремлены наши взоры. Туда, откуда пришли наши боги.

Не там, однако, мы получили свою силу и верховную власть. Но лишь здесь мы подчинили и покорили большие племена и малые племена, когда мы принесли их в жертву перед Чааком и Священным Зерном. Мы поднесли ему кровь, плоть, груди и подмышки всех тех людей, чтобы оросить и оживить Священное Зерно. И могущество пришло к нам. Велика была мудрость, когда мы свершали свои деяния во мраке. Но вот пришло время, когда Чааку стало мало. Этого стало мало Священному Зерну Чаака. Одному из шести священных зерен, принесенных Им на нашу землю, – мало наших подношений. И он говорит мне, а я – вам: дети Мауса, воздайте благодарность перед последним отправлением! Совершите что необходимо: проколите ваши уши, пронзите ваши чресла и совершите ваши жертвоприношения! В том будет ваша благодарность предо мной – и я воздам вам. И я, Вак Балама, ваш жрец, говорю вам: пришло время сделать все, что хочет Чаак для орошения и цветения Священного зерна.

Еще Толана вспомнила, как долго, очень долго она тащила Кулуангву по узким ступеням вниз с вершины храма. Вспомнилось ей, как сильно бился в утробе ребенок, сопротивляясь каждому напряжению матери. Затем теплые руки старухи Ма-Ис помогли затащить Кулуангву в хижину, положить его безвольное тело в угол на низкий топчан и прикрыть одеялом. Но что было до этого? Память путалась, события не прояснялись.

Кулуангва хрипло дышал, голова женщины поднималась и опускалась с каждым его тяжким вздохом. Вот он со стоном потянулся, выдохнув боль, расправляя затекшие за ночь мышцы. Одеяло, укрывавшее тело, сползло на пол. Толана подняла взгляд, не до конца понимая, что ей открылось. Перехватило дыхание. Увиденное заставило ее с силой зажмурить глаза. Вся нижняя часть тела Кулуангвы: бедра, лодыжки, ступни – была покрыта коростами запекшейся крови. Между его ног слабо подрагивала огромная, уродливая, черно-красная... губка.

Все то, что когда-то принимало активное и ласковое участие в создании маленького существа в ее утробе, превратилось в невообразимый кошмар. И Толана вспомнила вчерашний день.

Глава 3

34°38'17»S

58°21'12»W

Буэнос-Айрес, Аргентина.

14 октября 1972 года

День подходил к концу

– Диего! Диего, да чтоб тебя! Ты почему мать совсем не слушаешь! Разобьешь ведь башку в такой темноте. Сколько можно дурить? Давай домой, живо, жи-иии-во!

Нет ответа.

– Диеего!

– Сейчас, мам! Ну, до первого гола, а то у нас ничья!

– Так вы до утра носиться будете?

– Не-а, сейчас уже закончим!

Мать отошла от окна третьего этажа, снимая с веревки, переброшенной через улочку Санта-Доминго, хрусткое и выцветшее под нещадным солнцем белье.

Внизу, в темноте, озаряемой лишь тусклым светом нескольких окон, носилась за мячом стайка подростков, взалев крича что-то несусветное. Эта игра в десятки таймов шла с полудня, едва только окончились школьные занятия. Играли во дворе-колодце, среди перенаселенных блочных домов, стены которых были сплошь покрыты граффити. К фасадам тут и там прилепились жестяные хибары – кладовые для всякой рухляди, гаражи для битых грузовиков, мотоциклов, велосипедов. Меж хибарами тоже сохло белье. Игра мальчишек сопровождалась какофонией из криков торговцев, плача младенцев, грохота машин, мелодий босановы и звуков сальсы:

Jamas imagine que llegaria este dia
donde apostaria yo toda mi vida,
por amarte y por hablarte otra vez
pero que diablos ya perdi todo mi tiempo,
y por mis errores ahora estoy sufriendo
quisiera regresar.
Pero antes de andar y salir
de tu vida y andar solo
quisiera llorar y sacarme
de adentro tus besos tu cuerpo...²

С одной стороны воротами служила пыльная арка, увитая чахлым виноградом. С другой – пара пустых ящиков. Невысокий пацан, откликнувшийся на зов матери, похоже, играл в этом бедном квартале Буэнос-Айреса лучше всех. Приняв мяч на грудь, он легко переместил его с разодранной коленки на голень. Плавнo обойдя соперника, мальчик вдруг виртуозно и сильно послал мяч меж двух ящиков.

² Никогда не думал, что наступит этот день, что ты украсишь мою жизнь, что буду тебя любить, с тобою говорить опять, но, черт возьми, сколько же я потратил времени – теперь страдаю от своих ошибок. Хотелось бы начать сначала, но, до того как уйти из твоей жизни и продолжить одинокий путь, нужно в слезах оторваться от поцелуев и от твоего тела. (исп.) Фрагмент песни латиноамериканского композитора и певца Обие Бермудеса (Obie Bermúdez) «Antes».

– Го-о-о-ол!

Одна группа мальчишек бросилась обнимать страйкера³, другая же понуро стояла у ворот, перекатывая мяч.

На столицу Аргентины меж тем спускалась теплая октябрьская ночь.

– Зря ты так с ним, Далма. – Диего, отец мальчика, в честь которого и был назван малыш, осторожно обнял жену за плечи.

– После той вашей с ним поездки в Мексику он совсем свихнулся на этом футболе, – нервно высвободилась она из объятий. – Знаешь, он даже спит с этим дурацким мячом в обнимку. Так наша малышка Мария спит со своей куклой! Возраст-то у него уже не тот, чтоб с игрушками спать!

– Ну, он все же еще ребенок. Десять лет, чего ты хочешь?... Я, кстати, вчера разговаривал с Антонио Лабруна, директором школы.

– Да знаю я Антонио! – все еще раздраженно бросила Далма. – И что?

– Ну, он сказал, что... в общем, в учебе наш парень совсем плох...

– Вот-вот!

– А зато в футболе, – продолжал отец, – он очень хорош! Гениален! Антонио хочет его в школьную команду к старшеклассникам. На городские соревнования. Ты ведь помнишь, как его тюкали в школе год назад? Как цыпленка! За то, что он два движения с мячом не мог связать на спортивных уроках. А сейчас...

– ...А сейчас наш парень превзошел самого себя, пиная глупый мяч на улице! – В голосе ее чувствовалось разочарование. – Лучше бы основными предметами занимался усерднее. Да еще ты ему потакаешь...

– Ну не волнуйся так, Далма! Все обойдется. Наш парень добьется своего. Он еще станет героем Аргентины, вот увидишь!

Далма хмыкнула, а Диего, увлекшись, продолжал невзирая на сарказм во взгляде жены.

– Нам, рабочему люду, нужен футбол! Он нас... освобождает! Он поднимает настроение, дает пищу для вечерней болтовни за стаканчиком вина. Кстати, позволь-ка мне открыть бутылочку на ужин?! Это все ж лучше, чем ворчать и хмуриться. А науки сами к Диего придут, с годами. Уж читать и писать-то он научится.

– Хорошо бы еще, если б научился считать. – Опять хмыкнула мать. – Чтоб не как его отец был, у которого и считать-то почти нечего в карманах! Да и болтаешь ты как на митинге о своем футболе. Футбол его освобождает! Тьфу! Чуть не заснула!

– Ладно, ладно, я поговорю с ним. – Диего ретировался, поняв, к чему клонит Далма.

В этот момент Диего-младший, невысокий для своих десяти лет крепыш, весь в пыли, сияя глазами, косолапо ввалился в дверь. Левой рукой он крепко прижимал к себе черный мяч.

– Пап, пап, мам! Пять – три! Во как мы их! – Взгляд мальчишки был полон ликующей гордости.

– Ты же сказал: до первого гола... – Мать недовольно нахмурилась. – Ужин дважды грела!

– Да, я вкатил им четвертый, а потом, пока думали, расхотелось или нет, еще и пятый вправил. А потом тетка Саманта свет у себя в окне выключила, совсем мой мячик не видно стало, пришлось разойтись.

– А кто же вкатил первые три, сынок? – спросил отец, хитро улыбаясь.

– Тоже я, пап, кто же еще?!

³ От *англ.* striker – бьющий. То же, что форвард, или нападающий.

Мать, похоже, сменив гнев на милость, направилась в кухню, разогреть ужин в третий раз. Отец потрепал Диего по курчавой голове и, наклонившись к его уху, тихо, заговорщицки прошептал:

– Центральный нападающий Диего Гонзалес, пока мама возится с ужином, у меня к тебе одно дело есть.

Проскользнув темным коридором мимо двери в кухню, где мать гремела посудой и, чертыхаясь, разгоняла над плитой дым, они вошли в маленькую комнату Диего, увешанную картинками с обложек спортивных журналов. Отец прикрыл дверь.

– Может, хватит гонять с друзьями, – начал он издали, – этот замызганный, старый, черный шар мексиканского происхождения?

– Но, папа... – Диего сжался при мысли, что его лишат единственного любимого занятия.

– Даже не начинай, – нарочито строго продолжал отец.

– Но почему? Я обещаю, что буду делать все домашние задания вовремя. Я ни разу не пропущу школу. Обещаю! Обещаю! Обещаю! – По лицу мальчика потекли крупные слезы.

– О! А я и не знал, что ты умеешь плакать! – усмехнулся отец. – Хорошо, не реви, я просто хотел сказать, хватит тебе играть этим доисторическим мячом, Диего! Почему бы тебе не заглянуть под кровать? По-моему, там что-то лежит, дожидается тебя вот уже целых четыре часа?!

Диего, недоверчиво взглянув на отца, полез под кровать. Через секунду оттуда раздался радостный вопль.

– Ола-ола-ола! Пап, вот это да!

Шустрой змейкой мальчик выполз из-под кровати, а в руках его, матово светясь чернотой, белыми шестиугольниками, подрагивал футбольный мяч.

– Настоящий! Кожаный! Во, ребята обрадуются. Может, нашей команде даже разрешат теперь на настоящем поле поиграть!

Отец, сделав притворно суровое лицо, сказал:

– Но ты нам с матерью должен обещать, что учебе в школе это не повредит! И особенно математике.

– Да, конечно, пап, – Диего слушал его уже в пол-уха, несясь на кухню. – Мам, ма-а-ам, смотри, что у меня есть! Папа подарил! Настоящий мяч из кожи!

– Надеюсь, со школой у тебя проблем больше не будет? А? – Мать пыталась придать голосу решительность. – Иди, мой руки, бесененок. С мы-ы-лом!

– Да, мамочка, я обещаю!

– Что это у тебя с рукой? – Она схватила шмыгнувшего было мимо Диего за запястье. По краям темного пластыря, наклеенного через всю левую ладонь, проступала запекшаяся кровь. – Твоя рана все еще не зажила? Завтра же идем к врачу, к дяде Савиньи. Что же это такое? Три недели прошло, а порез не зажил! Так ведь и заражение подхватишь! Как без руки-то играть будешь?

– Так ведь я ногами играю! – с заразительным мальчишеским смехом заключил центральный нападающий, направляясь в ванную комнату на помывку.

Там, украдкой поглядывая на дверь, Диего, морщась, сорвал грязный пластырь. Под струей холодной воды он с серьезным лицом, но внезапно побледнев, промыл рану. Затем поднял руку ближе к лицу, внимательно ее оглядел. Рана действительно начала затягиваться. Мальчик промокнул ее куском туалетной бумаги – отпечатался легкий розовый след. Диего тряхнул ладонь, смахнув секундное оцепенение, – наклеил пластырь на прежнее место. Обеими руками он «причесал» свои жесткие кудряшки, показал себе в зеркало розовый язык и на матерно «Дии-ее-го!» закричал: «Иду-у, мааа!»

Глава 4

Начальнику Разведывательного
управления Генерального штаба РККА
генералу Ильичеву И. И.

начальник Второго управления, С/Л №174
подполковник Литвинов К. М.
Англо-американская резидентура

27 ноября 1942 года

ОПЕРАТИВНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Товарищ генерал,

нашим резидентом «Роквуд» выявлено, что интересующий нас объект присутствовал во время так называемого Балтиморского эксперимента. Установлено, что агентство «Никсон, Крафт энд Локсмит», представленное компанией *J. P. Morgan* мистера Дж. П. Моргана, имело договор с Военным ведомством США на поставку секретного оборудования. В день проведения эксперимента г-н Тесла был тайно доставлен секретной службой «Тэнджерин» в порт Балтимора из Нью-Йорка пятиместным самолетом (борт. номер 685-АС).

БАЛТИМОРСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (справка)

По нашим данным, Военное ведомство США попыталось создать судно, невидимое для радаров, а также магнитных мин противника. Используя расчеты, сделанные г-ном Эйнштейном, на эсминец «Олдридж» установили специальные генераторы. По нашим сведениям, к проекту был привлечен г-н Никола Тесла. Его участие в эксперименте было максимально засекречено. Причина, по которой участие г-на Теслы придана высшая степень секретности, подтверждает нашу гипотезу, что в эксперименте г-н Тесла использовал неизвестный механизм, по всей видимости, его собственного изобретения. Кроме того, нам известно, что высокая степень активности немецкой контрразведки Абвер была нацелена не на результат эксперимента, а на объект, с которым Тесла взошел на борт эсминца.

Во время испытания, проведенного 28 октября 1942 года в доке №4 в Балтиморе, произошло следующее – корабль, окруженный разрядами мощного электромагнитного поля, исчез не только с экранов радиолокаторов, но буквально испарился в самом прямом смысле этого слова в зеленом облаке. Через некоторое время «Олдридж» материализовался вновь, но совсем в другом месте, на выходе в акваторию, вблизи дока №12. Экипаж на борту был, по заключению врачей, полностью обезумевшим.

Нашей агентурой были опрошены все возможные свидетели эксперимента. В частности (за мзду в 465.00 долларов), мы получили наиболее интересное свидетельство от старшего матроса Ромиреса Альенде с транспортного корабля «Эндрю Фьюресет» – судна, входившего в группу контроля Балтиморского эксперимента.

Он лично видел, как растаял в странном зеленоватом сиянии «Олдридж», слышал гудение окружающего эсминца силового поля и знаком со многими из тех, кто все это наблюдал тоже. Свидетели указывают, что сразу после обнаружения корабля на борт были брошены спецподразделения, которые блокировали все подходы к кораблю и все выходы на борту. Затем на борт на скоростном катере доставили человека (по фотографии Альенде со стопроцент-

ной уверенностью определил г-на Теслу). Он был немедленно эскортирован на капитанский мостик, откуда вскоре вернулся. В руках он нес металлический саквояж. Во время посадки в скоростной катер, по свидетельству Альенде, человек (Н. Тесла) вдруг с возгласом «Ах, черт!», словно от ожога, выпустил саквояж из рук, отбросив его в сторону. Саквояж от удара раскрылся, и на палубу выкатился небольшой шар, который излучал поразительное по силе зеленое свечение, похожее на огонь электросварки. Свечение продолжалось несколько секунд, после чего прекратилось. Сопровождавшие г-на Тесла вооруженные лица убрали шар в металлический ящик. На палубе корабля отчетливо был виден след выгоревшей древесины.

Самое интересное в свидетельстве Альенде нашему агенту – это описание последствий эксперимента. С вернувшимися «из ниоткуда» людьми стали через некоторое время совершаться невероятные вещи. Люди как бы выпадали из реального хода времени (использовался термин «замерзали»). Были случаи самовоспламенения: так, однажды двое «замерзших» неожиданно «воспламенились» и горели на протяжении восемнадцати дней. Спасателям в госпитале никакими усилиями не удавалось остановить горение тел. Происходили также и другие странности, так, например, один из матросов «Олдриджа» исчез навсегда, пройдя сквозь стену собственной квартиры на глазах у жены и ребенка. Подтвердить эти сведения мы не можем, есть вероятность, что Альенде приукрашивает некоторые показания, отрабатывая гонорар.

По сведениям агента «Роквуд», руководство ВМФ США открещивается от Балтиморского эксперимента, заявляя, что ничего подобного в Балтиморе в 1942 году не случилось. Однако мы обнаружили документы, подтверждающие, что в 1942 году Альберт Эйнштейн состоял на службе в Морском министерстве в Вашингтоне. У нас есть копии листков с расчетами, выполненными рукой Эйнштейна, обладающего весьма характерным почерком. (Копии переведены и пересланы во 2-й отдел ГРУ.)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Карл Лайслер – физик, один из ученых, работавших в 1942 году над этим проектом. Находится в нашей разработке с момента получения задания. Лайслер, по нашим сведениям, рассказал на закрытых слушаниях в Конгрессе по этому делу, что ученые, под руководством военных, хотели сделать невидимым для радаров военный корабль. На борту корабля установили мощный электронный прибор. Этот прибор был способен дать энергию, мощности которой хватило бы, чтобы снабдить электроэнергией небольшой город.

Приводим дословную стенограмму разъяснения.

...Эксперимент очень интересный, но страшно опасный. Он слишком сильно влияет на участвующих в нем людей. В опыте использовались магнитные генераторы, так называемые «размагничиватели», которые работали на резонансных частотах и создавали мощнейшее поле вокруг корабля. Практически это могло дать временное изъятие из нашего измерения и могло бы означать пространственный прорыв, если бы только было возможным удержат процесс под контролем!

Интересно, что сам Лайслер никогда не видел этот прибор, однако, по его представлениям, тот должен был бы занимать минимум треть судна. Тем не менее он не наблюдал за все время ни одной крупномасштабной погрузки на борт электрооборудования крупного формата.

Идея эксперимента состояла в том, что очень сильное электромагнитное поле вокруг корабля будет служить экраном для лучей радара. Карл Лайслер находился на берегу, чтобы наблюдать, фиксировать и контролировать проведение эксперимента. Когда прибор заработал, корабль исчез. Через некоторое время он вновь появился, но все моряки на борту были мертвы. Причем часть их трупов превратилась в сталь – материал, из которого сде-

лан корабль. Во время нашего разговора Карл Лайслер выглядел очень расстроено, было видно, что этот старый больной человек до сих пор чувствует угрызения совести и свою вину за смерть моряков, находившихся на борту «Олдриджа». Лайслер и его коллеги по эксперименту полагают, будто они послали корабль в другое время, при этом судно распалось на молекулы, а когда произошел обратный процесс, то и случилась частичная замена органических молекул человеческих тел на атомы металла...

Мы предположили, что в проекте, возможно, участвовал Никола Тесла как возможный владелец прибора, однако Лайслер это категорически отрицает. По словам Лайслера, Военное ведомство не ставило команду ученых, занятых в проекте, в известность о том, кто был производителем прибора.

Эсминец «Олдридж» через неделю после проведения эксперимента был выведен в резерв флота США. Судовые журналы «Олдриджа» исчезли. По нашим сведениям, они находятся в собственности 7-го оперативного отдела ЦРУ.

Подполковник Литвинов К. М.

РЕЗОЛЮЦИЯ

(верхний левый угол, чернила частично размыты водой)

Немедленно начать опер йствия, вленные на выяс деталей Балтим экспе та. Устано име-
ющиеся у нас факты и аген рмацию, связанную с деятельнос Николы Теслы в амках Военного
мства США до экспер

Докла лично, еже но.

Ильичев И. И.

Глава 5

45°27'57» N

9°11'21» E

Милан, Италия.

Май, 1991 год

Эта пробка казалась бесконечной. Даже если принять во внимание, что случилась она в одном из прекраснейших городов Европы, мировой столице моды – Милане, сидеть в этом липком, горячем, наполненным выхлопами воздухе не доставляло большого удовольствия.

Soli
la pelle come un vestito
soli
mangiando un panino in due
io e te
soli
le briciole nel letto
soli
ma stretti un po' di piu'
solo io solo tu⁴

Песня из разбитой автомагнитолы на мелодичном итальянском, в исполнении хрипловатого мужчины и прекрасноголосых девушек, тоже отнюдь не скрашивала поездку. Задыхаясь в старом «Фиате» черт знает какого цвета и года выпуска, с пятнами кофе, красного вина и еще чего-то непонятного и отталкивающего на заднем, когда-то велюровом сиденье, Родион Карлович Тейхриб отчетливо понял, что на рейс он опоздает. Даже при самом лучшем раскладе, если вдруг прямо сейчас, по велению всех святых, почивающих в Милане, расчислится автострада до аэропорта Мальпенса, он все равно уже не успеет на рейс 065 компании «Алиталия» до Москвы. А это значит, что Сергею Тихолапову, коллеге Тейхриба, переводчику и ассистенту, который уехал в аэропорт два часа назад, придется добираться до Москвы в одиночку.

Симпозиум Европейского общества историков традиционно проводился под патронажем Королевского общества историков Великобритании и непременно в старинных городах Европы: Лондон, Амстердам, Брюссель, Лиссабон. В позднюю весну 1991 года, для 29-го симпозиума, принимающим городом стал Милан.

Родион Карлович Тейхриб – еще нестарый профессор, пятидесяти четырех лет, из новой волны, как подобных ему называли в эти перестроечные годы, с рано поседевшей кучерявой шевелюрой, огромными глазами за толстыми стеклами огромных же очков в роговой оправе, – проходил у студентов исторического факультета МГУ под уважительной кличкой Доктор Живаго. Истфак, как и следовало тому быть, являлся передовиком преподавания предмета в СССР, широко охватывал – географически и хронологически – историческую действительность. Дюжина кафедр и несколько сотен человек профессорско-преподавательского состава преподавали историю фундаментально, со своей школой и традициями. Даже введенное в тридцатых годах изучение истории Коммунистической партии СССР не повлияло

⁴ Вместе / кожа вместо одежды / вместе / едим бутерброд на двоих / я и ты / вместе / крошки в постели / вместе / прижавшись друг к другу теснее / только я, только ты (*ит.*). Припев из песни Адриано Челентано «Soli».

на качество обучения. Репрессии в те годы коснулись университета лишь частично. Школа оставалась Школой.

Родион Карлович Тейхриб преподавал на двух отделениях – истории и искусствоведения (археология, этнология и искусство Древнего мира). Словно бы оправдывая данное ему прозвище, Тейхриб все свои документы, книги и тетради носил в старом докторском саквояже, который достался ему в наследство от деда. От деда через отца. Такая вот вышла профессорская династия саквояженосителей.

Компания «Братья Веснины», производившая эту повседневную докторскую необходимость в начале XIX века, а также и все остальные чемоданные атрибуты богатых путешественников, не жалела на создание своей продукции лучшей свиной кожи, самой что ни на есть высококачественной выделки.

Рыжие, стершиеся за столетие бока саквояжа, имели около дюжины небольших отверстий, обработанных бронзовыми клепками. Так что при плотном закрытии и длительном хранении содержимое саквояжа не отсыревало и не задыхалось.

Замок же у «Братьев Весниных» был такой крепкий и хитрый, что ему могли позавидовать любые современные дорожные замки. Ключ существовал в единственном экземпляре. Профессор однажды попытался заказать дубликат, да какое там! Увидев клеймо производителя, за изготовление копии ключа не брались никакие мастера. «Храните как зеницу ока, а не то, если потеряется, бока саквояжа придется взрезать и такой продукт испортить!» Однако и «испортить продукт» представлялось делом нелегким: бока докторского саквояжа были армированы китовым усом. Именно поэтому Родион Тейхриб брал с собой ключ только тогда, когда отправлялся в командировки, участвовавшие в последнее время. Даже сдавая свой саквояж в общий багаж, профессор не утруждал себя пленками для защиты от шереметьевских грузчиков, падких до сокровищ дорогостоящих чемоданов из капстран. Во-первых, саквояж не мог похвастать лоском, как большинство его собратьев по путешествию, а во вторых, вскрыть предмет было никому не под силу.

В остальное же время, время лекций и часов в полуразрушенной Ленинке, ключ дожидался профессора в холостяцкой (на двоих с матерью) двухкомнатной квартире недалеко от станции метро «Кропоткинская».

Улыбаясь и показывая крупные зубы, поблескивая линзами очков, Родион Карлович говорил на лекциях тихо, вполголоса, но твердо, заставляя тем самым аудиторию прекратить шушуканье и внимательно вникать в его лекции. Как сравнительно молодой, чрезвычайно начитанный и мыслящий по-новому преподаватель, он не страдал от недостатка уважительного внимания со стороны студентов. Многие из них боготворили его, иногда сбегаая даже с других занятий, чтобы прослушать продвинутые лекции Доктора Живаго.

Перестройка вызвала новую волну контактов с зарубежными университетами, заинтересованными в продвижении прогрессивного мышления в страны Союза (от дисков Пола Маккартни «Back in USSR» до ядерных технологий), – советским преподавателям все чаще открывались прежде закрытые двери. Это позволило профессору только за последние три года посетить шесть западных стран! О таких поездках в прежнее время можно было только мечтать (плюс расходы за счет принимающей стороны!).

И вот он сидел в миланском такси по дороге в аэропорт, с блуждающей улыбкой прокручивал про себя разговор, состоявшийся в маленькой пиццерии на виа Каппелини, с молодым коллегой и переводчиком с итальянского Сергеем Тихолаповым. Тейхриб поймал себя на мысли, что продолжает проверять свои знания об удивительном предмете, который достался ему за десяток лир. Собственно, за оплату автобусного путешествия с полуслепым итальянским старьевщиком, которого он про себя называл Джузеппе Сизый Нос.

А случилось вот что. Успешно оторвавшись от группы отдыхающих (а вернее, от делегации профессоров и преподавателей из стран бывшей социалистической коалиции и престарелого гида – еврея-эмигранта, говорившего, казалось, на всех языках мира), усмехаясь про себя тому, что весь эпизод до неприличия напоминает кадры из фильма «Бриллиантовая рука», профессор Родион Карлович Тейхриб скользнул в тень небольшой цветущей улочки Плени. Пару раз он, словно замечая следы, зашел в мелкие сувенирные лавки, перебирая в кармане брюк монеты из суточных, выделенных ему комитетом по содействию странам Восточной Европы. Наконец он оказался на углу все той же Плени и Пиаццы Лима.

«Неплохо бы изучить и окраины Милана. Не только ведь дворцами красив город, но и его людьми, – оглядываясь по сторонам и щурясь на освещенную ярким солнцем улицу, размышлял Тейхриб. – Иначе так и просидишь всю поездку в аудиториях да конференц-залах».

Именно в этот момент он ощутил какую-то звенящую пустоту в голове, которая спустя мгновение превратилась в тупую боль в области левого надбровья. Он остановился и, сильно нажимая, потер бровь ладонью, помассировал висок, но боль не ушла, а только усилилась. Он даже обхватил голову руками, вспомнив, как Штирлиц учил Мюллера бороться с мигренью.

«Что за черт?» Сняв очки, растерянно и устало оглядел он внезапно опустевшую улицу. Неподалеку, на автобусной остановке, мирно положив загорелые руки на колени, сидел одинокий старик. Он был маленького роста, в клетчатой фланелевой рубашке, в синей велюровой жилетке и в потертой кепке а-ля «одноэтажная Италия».

Тейхриб медленно подошел к пожилому человеку. Глядя в его узкое лицо с длинным сизым носом, даже не задумываясь, как объясниться, Тейхриб постучал двумя пальцами себе по лбу и, нарочито поморщившись, спросил: «Где аптека? Фармация?» Дальше он стал звать более эмоционально: «Анальгин, голова. Теста, теста бо-бо, очень сильно – теста малато!» И наконец, в отчаянии воскликнул: «Черт ногу сломит с этим проклятым итальянским!».

Старик, словно он был готов к этой жалостливой просьбе незнакомца, привстал с пластовой скамейки, коротко махнул сухой, в пигментных пятнах рукой, приглашая Родиона Карловича в – бог знает откуда взявшийся – обшарпанный, донельзя запыленный городской автобус с номером 64W.

Как загипнотизированный, профессор зашел в пустой салон и бухнулся рядом со стариком на сиденье за спиной водителя. Автобус 64W немедленно тронулся, недовольно пофыркивая. Водитель повернулся к старику, глянул ему в глаза, мотнул головой: «Этот?» Сизый Нос только коротко кивнул головой.

Глава 6

55°46'12»N

36°39'21»E

Москва, Россия.

7 сентября 1994 года

– Этот?

– Я чо, знаю?

– Вроде ничо такой, не совсемдохлый...

– Ага! Дохлых они не любят. Прошлого дык ваще отпустили...

– Ну, отпустили... в Москва-реку.

Два мордovorота, вполне в духе своего времени, в дорогих малиновых пиджаках, с квадратными головами, стриженными под бокс, и могучими шеями, остановились на углу Подколольного и Малого Ивановского переулков. Пристально и с нескрываемым презрением разглядывали они сухонького грязного человека.

Он сидел, привалившись спиной к водосточной трубе, поджав худые ноги. Трико на коленях порвано. Опухший, в лохмотьях, он что-то клянчил заплетающимся языком у прохожих. Но те только быстро пробегали мимо, иные отскакивали в сторону, опасаясь подхватить какой-нибудь туберкулез, педикулез, или еще что похуже.

Один из пиджаков вынул из кармана брюк белые латексные перчатки и деловито натянул их на волосатые руки; потом, толкнув локтем второго, тихо буркнул:

– Лады, берем этого. Два часа, как идиоты, шмонаем по подворотням. Жрать уже хочется! Если опять не подойдет, хрен с ним – река все смоеет...

– Погодь, я клеенку на сиденье кину, не дай божé он мне машину завалит, нелюдь.

Второй амбал повернулся и быстро направился к стоявшему неподалеку черному джипу.

Тем временем первый присел перед бомжем и тряхнул его за костлявое плечо. Оборванец тяжело поднял веки, взглянул на незнакомца очень светлыми, голубыми, мало что отражающими глазами. Он был еще не стар. Вернее определить его возраст было невозможно, не освободив от многодневной щетины, не отмыв от грязи и как следует не накормив.

– Плохо мне, брат, – просипел он запекшимися синими губами, – совсем кранты! Дышать не могу – трубы горят!

– Ну это поправимо, паря. Тебя как звать-то, горемычный? – Нарочито по-доброму и весело заговорил пиджак.

– Олег я. Олег Первушин.

– Вот что, Олег Первушин, вот что, брат, припахать тебя хочу для одного непыльного дельца. У себя на фазенде. Не задарма, слышь! И трубы твои промою, и накормлю, и приодену, братан. Все дела!

Криво улыбнувшись, амбал изобразил грациозное движение пальцами в белой перчатке. Затем, продолжая улыбаться, вынул из кармана пиджака чекушку «Московской», сдернул серебряную «бескозырку» и вложил теплую бутылку в дрожащую руку Олега Первушина. Тот, словно давно ожидал такого поворота событий, тремя большими глотками ровно за три секунды поглотил все содержимое (спаситель только присвистнул от восхищения) и, тихонько рыгнув, опять откинулся к водосточной трубе. Щеки страдальца после нескольких долгих мгновений начали розоветь, дыхание выровнялось, и, открыв глаза, он уже осмысленно взглянул на незнакомца.

– Ну, что те надо, дорогой? – немного растягивая слова, произнес Олег. – Бери меня с потрохами. Хочешь, тебе и участок вскопаю, и колодец вырою, и баню срублю, и...

– Да не, Олежка, – прервал его собеседник, – хочу, чтоб ты, ну, сторожем у меня там поработал. Щас, знаешь, сколько отребья шатается, лезут в окна, воруют, а то и поджечь могут. Ну, может, иногда курьером для нашей конторы сгоняешь. Типа, знаешь, привези то, отвези это...

– А что, почта уже не канает?

– Канает... мимо... Сам, небось, знаешь – каждая вторая посылка тью-тью. Издалека же шлют... Со всех, так сказать, уголков великой Родины. Ну все, айда, пойдем. Детали потом!

– Наркоту что-ли?

– Да боже упаси, ты за кого меня держишь? Я ж свой, буржуинский, – пошутил совсем не к месту бугай и помог бомжу подняться.

Лишь кое-кто из немногочисленных в этот вечерний час прохожих обратил удивленный взор на то, как новый русский ведет под руку и усаживает в дорогую иномарку вонючего бомжа.

Хлопнула правая задняя дверь. Олег повалился на мягкое кожаное сиденье, на всю длину укрытое прозрачным полиэтиленом. Автомобиль медленно тронулся с места, резко зыкнул на неповоротливые кособокие «жиги» и «москвичи», взвизгнул резиной и понесся вверх по Малому Ивановскому города-героя Москвы. Поглазев из окна дорогого авто на огни большого города, Олег сладко задремал на заднем сиденье. На одном из поворотов он и вовсе повалился на шелестящую пленку, свернулся калачиком и заснул, подперев грязным кулаком небритую щеку. Между тем в машине, бухая низкими частотами, надрывался «Наутилус Помпилиус».

Если ты пьешь с ворами,
Опасайся за свой кошелек,
Если ты ходишь по грязной дороге,
Ты не сможешь не выпачкать ног...

– Да выруби ты эту лабуду!

– А чо, последний концерт. Прикольно!

– Чо прикольно-то? Если ты пьешь с ворами, НЕ опасайся за свой кошелек! НЕ опасайся!

Поал, как надо?!

Глава 7

Начальнику Разведывательного
управления Генерального штаба РККА
генералу Ильичеву И. И.
4 декабря 1942 года

ОПЕРАТИВНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Товарищ генерал!

В рамках разработки операции «Триггер» предоставляю Вам последнюю агентурную информацию, аналитические разработки, архивные документы и исторические справки. Нами так же установлено, что объектом уже в 1931 году интересовались органы ОГПУ и лично зам-председателя ОГПУ Ягода Г. Г.

ИЗ АРХИВА РАЗВЕДКИ 7-ГО ОТДЕЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ЦАРСКОЙ АРМИИ

27 июля 1902 года
Из шифродонесения резидента Российского посольства
в Северо-Американских Соединенных Штатах
Иосифа Граббе
начальнику 7-го отделения Генерального штаба
генералу Целебровскому В. А.
Копия послу России в США г-ну Розену Р. Р.

Ваше Превосходительство!

С помощью нашего агента в центральном почтовом отделении Колорадо-Спрингс было скопировано письмо г-на Теслы г-ну Йохансону в Нью-Йорк по интересующему нас делу. Предоставляю Вашему вниманию перевод основных моментов этого документа.

Дорогой друг!

...в «каракулях» прибора высокочастотной электромагнитной разрядки, сделанного на основе знакомого тебе предмета, триггера, я обнаружил «мысль».

...скоро тебе, дорогой Йохансон, удастся читать свои стихи лично Гомеру! В то время как я свои открытия буду обсуждать с самим великим Архимедом. Дай мне время, я тебе вышлю копии своего дневника исследований, и ты поймешь, что я не повредился рассудком, как начинают считать уже многие вокруг меня. К сожалению, и мистер Дж. П. Морган, мой добрый финансовый покровитель, тоже начинает склоняться к такому мнению. Единственно, что его подбодрило, – мой удачный эксперимент с исчезновением старого электрогенератора в Филадельфии, а также наличие у меня самого главного – его, г-на Моргана, удивительного, круглого катализатора (который он в шутку называет мячом богов, а я – триггером). Опишу тебе подробнее в следующий раз, как он прыгал и хлопал себя по бедрам, когда я показал ему «зеленые» электромагнитные волны, невероятно похожие на туман, появившийся во время исчезновения в Филадельфии. Я держал мяч на вытянутой руке, и тот светился у меня на ладони, будто маленькое солнце, мертвенно холодной плазмой.

Ваше Превосходительство,

нами также было установлено, что по возвращении из Колорадо-Спрингс г-н Тесла заявил журналистам газеты «Хералд трибюн», что он установил связь с внеземными цивилизациями. К этому заявлению серьезно отнеслись лишь немногие. Однако существуют указания, что Тесла продолжает свои исследования «параллельных миров» в одиночестве, с помощью интересующего нас предмета, без какой-либо огласки результатов. Все свои результаты он обсуждает только с г-ном Джоном Морганом лично, во время прогулок по саду или в совершенно закрытой лаборатории, что не дает нам возможности прослушать разговоры и узнать доподлинно суть бесед. Во время прогулок по саду гг. Тесла и Морган иногда играют с мячом (каковой и является предметом, нас интересующим). Размеры мяча не превышают 5—7 дюймов в диаметре. Играют же они в так называемый английский футбол, входящий сейчас в моду и в России. Во все прочее время пребывания на наблюдаемой нами территории г-н Тесла с мячом не расстается ни на минуту.

Из отчета наших научных консультантов следует, что из предмета, каковой он называет *триггер* (то бишь спусковой крючок), г-н Тесла создает аппарат для настраивания электромагнитных колебаний собственного мозга. Иначе говоря, использует мяч для контроля своей ментальной активности и таким образом может общаться со смещенными во времени реальностями. Имею также сообщить, что разработками г-на Теслы активно заинтересовалась германская разведка. В частности, на службу в лабораторию г-на Теслы в качестве подсобного рабочего устроился некто Генрих Краузе, по нашим данным – агент разведслужб немецкого Генштаба.

Г-н Тесла окончательно переводит свои работы в Лонг-Айленд, поэтому для ускорения нашей работы прошу Вашей санкции на возможность изъятия и последующего копирования записей исследований г-на Теслы, а также самого триггера, пусть и путем экстремальных мер принудительного характера.

Принимая во внимание важность сего объекта для интересов Государства Российского, по мере поступления новых сведений, мы будем информировать Вас незамедлительно.

Первый заместитель Посланника России
в Северо-Американских Соединенных Штатах Иосиф К. Граббе

Изъятие интересующего нас предмета, а также архива г-на Николы Теслы путем экстремальных мер категорически запрещаю. Изыщите возможность получения материалов иным путем. Внедрите наших агентов во все доступные сферы общения г-на Теслы. О новых разработках Николы Теслы докладывать мне и генералу Целебровскому В. А. Лично.

7-е отд. 1-го отдела Управления
2-го Генерал-квартирмейстера Генерального штаба генерал Н. С. Ермолов

1-й (Военно-статистический) отдел Управления
2-го Генерал-квартирмейстера Генерального штаба.
Генералу Симонову А. П.
23 августа 1914 года

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Ваше Превосходительство,

довожу до Вашего сведения настроения офицерского состава разведотдела Генштаба.

Поражение России в войне с Японией вскрыло существенные недостатки в организации военной разведки. Война 1904—1905 гг. показала необходимость не только непрерывной войсковой разведки в период боевых действий, но и постоянного агентурного наблюдения на территории вероятного противника и других государств, вербовка агентов, подкуп военных и государственных чиновников, разведигра, чему, по мнению большинства офицеров-разведчиков, не уделяется должного внимания. Кроме того, сообщаю последнее донесение наших агентов по делу господина Теслы.

Летом 1914 года, когда Сербия оказалась в центре событий, повлекших начало Первой мировой войны, по нашим сведениям, г-н Тесла, оставаясь в Америке, принимал участие в сборе средств для сербской армии. Несколько раз в присутствии прессы он высказывал крайне неадекватные мысли, явно связанные с его последними научными разработками. Например: «Придет время, когда какой-нибудь научный гений придумает машину, способную одним действием уничтожить одну или несколько армий».

Мы предлагаем максимально активизировать действия нашей группы по извлечению технической документации г-на Теслы, пока нас не опередила немецкая разведка.

Полковник Седякин В. В.

Глава 8

70°04'36»N

170°51'12»E

Чукотка, Чаунский район, Российская Федерация.

31 марта 2001 года

– Вот проклятое место! И что тебя сюда понесло, право слово? Сидели бы сейчас в баньке... Так ведь и не помоешься перед отъездом! Все душ да душ! Не по-людски это. Люди с душой старались, топили, прорубь вырубili. Зима ведь, бляха-муха!

– А по-моему, весна! И здесь очень красиво! Смотри, как ветер гуляет, а волны какие! Может, подстрелим кого? Кто сейчас тут ходит?

– Песца можно взять. Но это вряд ли, погоды шибко ветреные.

Двое мужчин медленно, словно отмеряя шаги, шли по побережью Чукотского моря. Один из них, по виду начальник, внимательно слушал, что ему объяснял другой. Через плечо «главного» была переброшена дорогая на вид двустволка.

По талому снегу, переваливаясь на снежных дюнах, за мужчинами медленно тащились два средства передвижения: черный внедорожник «Тойота-Лэндкрузер» и армейский вездеход «ГАЗ-34039». Три человека в темных бушлатах пешком следовали в отдалении параллельно тому же курсу, пристально оглядывая безлюдные, неприветливые места.

Разговор шел о размещении в этом районе ретрансляционной станции для обеспечения постоянной телефонной и интернет-связью здешних немногочисленных поселков и городков. Ближайшая такая станция находилась в Певеке с радиусом действия в несколько сот километров. Этого явно не хватало для нужд небольших поселков, геологических станций, поселений оленеводов и охотников, а кроме того, для обеспечения возрастающего грузопотока по Северному морскому пути. Москва была весьма заинтересована в развитии этого направления и недвусмысленно намекала бизнесу, что неплохо бы обойтись не федеральными, а *другими* финансовыми средствами. Выбора, как говорится, было мало.

– Андрей Андреич, ты ж пойми, если здесь станцию ставить, то людей сюда нужно будет посылать как на полюс, как в ссылку... Тут даже зверь не ходит вот уже много лет. Мертвое место! – Суетясь и размахивая короткими руками, громко высказывал пожилой человек в надвинутом на затылок малахае.

– Да ты не горячись, Николай Алексеевич. Все образуется.

Высокий молодой человек с недельной рыжей щетиной, отвечавшей моде, с непокрытой головой, в темных очках, короткой легкой, но, видимо, очень теплой куртке, обращался к собеседнику с подчеркнутой и в то же время ироничной вежливостью.

– Если надо, хорошую рабочую ставку сюда дадим. Холостяки, старые полярники пойдут. Людей-то нужно два-три человека в смену. Тепло, под крышей, связь постоянная. Много лучше, чем на буровой или на качалке вахтовать. Площадку вертолетную сделаем. Склады, все такое... Водочку на склад. А? Как насчет водочки, Николай Алексеевич? Сам, поди, на сезон-другой подпишешься?

Вместе со словами изо рта молодого человека вырывался белый парок. Он шел, с тоской оглядывая унылые сопки, неприветливое Чукотское море, и думал: «Ну какого хрена я поперся сюда? Не только самому место выбирать, но даже прилетать сюда не было необходимости. Всё могли решить без меня специалисты. Тоже мне – знаток связи, идиот. Связист-миллионер! Где хотите, там и ставьте эти чертовы ретрансляторы. Приезжайте к нам в Лондон! Нет уж, лучше вы к нам, на Колыму... Как же они меня достали с этими общественными нагрузками, жирные суки...»

Свежий бриз с моря тронул рыжие волосы молодого человека. Он был весьма хорош собой: сложен как боксер полутяжелого веса, бледнокож, как Байрон, с голубыми глазами в глубокой тени надбровных дуг. Андрей Андреевич Романов, сорока одного года от роду, стоил три миллиарда долларов и обладал широчайшими связями на верху. На самом верху. Связями, позволяющим ему заниматься биржевыми спекуляциями, ценными бумагами, государственной собственностью, «официальным» устранением конкурентов и прочими делами, всегда приносящими ему прибыль. И прибыль немалую.

Эта необъяснимая тяга приехать и *насладиться* красотой заполярного круга у него, российского нувориша, поднявшегося от мелкого бизнеса начала девяностых до мультимиллионного к началу двухтысячных, появилась несколько недель назад. Романов спешил на заседание Союза промышленников, когда внезапно встал в пробке на Тверской. Никакие ухищрения охраны, никакие спецсигналы не могли раздвинуть слипшиеся, как шпроты в банке, автомобили по обе стороны улицы. Вдруг к его машине подбежал грязный подросток, цыганенок или таджик, и стал замусоленной тряпкой тереть тонированное стекло с пассажирской стороны черного «Бентли». Глаза мальчишки были совершенно пустыми и казались сплошь огромными зрачками. Он так бешено драил своей тряпицей прямо перед лицом у Романова, словно хотел продавить стекло и утереть богачу нос. Подлетели охранники, стали оттаскивать пацана, но тот так вцепился в дверную ручку, что даже двое мордovorотов ничего не могли с ним сделать. Ему удалось отбиться на несколько мгновений, тогда он вытащил из внутреннего кармана куртки огрызок кукурузного початка и с силой вмазал им по стеклу. Желтые горошины разлетелись в разные стороны, а пятно на стекле расплылось солнышком из детских рисунков. «Тон гуха! – истошно завопил пацан. – Тон гуха!»

Наконец охрана пинками вытолкала мальчишку на тротуар, где зеваки уже вовсю наслаждались спонтанным представлением. «Тон гуха! Тон гуха!..» – продолжал визжать чумазный ребенок, пока один из парней не сделал притворного движения, якобы пытаясь догнать нарушителя романовского спокойствия. Пацан исчез в подворотне, показав длинный розовый язык. Романов улыбнулся и спросил водителя, озабоченно поглядывающего на часы:

– Костя, а что такое «тон гуха»? Ты, случайно, не знаешь?

– Да хрен их, лимиту черную, знает, Андрей Андреевич. «Давай деньги», наверное. Знаю, что по-грузински «давай деньги» звучит приблизительно так: «пули мамичхара». Что-то в этом роде, хотя не уверен... Понаехали отовсюду, людьми не назовешь! – Будучи ярославским малым, Костя глубоко переживал за чистоту населения столицы.

У Романова вдруг так кольнуло сердце, что он, вздохнув с легким стоном, вжался в кожу сиденья и закрыл глаза. Стало смертельно тоскливо, как когда-то давно, после трагической смерти матери в автомобильной аварии. Водитель обернулся и встревожено взглянул на шефа. Тот лишь махнул рукой: не бери в голову – поехали...

Пробка на удивление быстро рассосалась, словно и не было. Машины двинулись, набирая скорость, пофыркивая друг на друга.

– Костя, эти люди скоро выйдут на улицы и начнут нас вешать – рассеянно глядя в окно, тихо, но внятно сказал Андрей.

Благодаря этому случаю и, конечно, хорошей бутылке виски после в одиноком номере «Интерконтинентала» (не хотелось тащиться в пустой далекий дом после встречи с верхушкой), вместо того чтобы провести quality time с семьей в горнолыжном поселке Бельгии, в небольшом выкупленном три года назад коттедже, он быстро сориентировал свой экипаж на полет в Якутск, в срочную «командировку». Романов вдруг так сильно испугался, будто нечто очень важное проходит стороной, нечто такое, что должно изменить всю его жизнь, –

вскочил с постели посреди ночи, разбудил телефонным звонком секретаря и заставил его немедленно заняться этим делом.

Маниакальная боязнь Романова стать чьей-то жертвой – друзей, бизнесменов-ковбоев или всеядных спецслужб – заставляла его заниматься все больше ценными бумагами, акциями и перепродажей земли с последующим выводом капитала в спокойные западные рынки и все меньше – поставками углеводородов и металлов. Прodelав несколько экспериментов с обесцененными бумагами, он убедился, что их тоже можно выгодно сбывать с рук. Он продолжал подкупать государственных чиновников, благодаря которым получал право владения национальными богатствами и сокровищами. Его основным увлечением стала перепродажа ценных бумаг.

Однако временами Романов страдал из-за приступов неподвластных ему мыслей: от них никак не удавалось отделаться, но и додумать до конца тоже не получалось. В такие моменты на успешного бизнесмена нападал тик. Все признаки невроза были налицо. Но вместо докторов он обращался к тем или иным «расширителям сознания», которые вызывали страстные мечты вот о чем: чтобы, например, Господь, да, именно сам Господь Бог, поручил бы ему, Андрею Андреевичу Романову, какое-то важное задание. Единственное Дело! Чтобы дал ему, скажем, весть какую-то, а он, Романов, смиренно пронес бы ее от места и до места. Да, да! Стать посланником Господа, избранником Великой Идеи. Чтобы не было больше этих дармовых денег, наводнивших его сознание и жизнь! Денег, не позволяющих ему принять и донести... нечто, подобное стигмате, – пусть мучительное для плоти, но возвышающее дух. Да, донести это от Господа Бога к... кому-то другому, столь же высокому...

Романова вывел из размышлений бодрый голос Николая Алексеевича. Тот широко расставлял при ходьбе ноги и размахивал руками, как опытный лыжник.

– С водочкой-то и дурак на станцию подпишется, Андрей Андреич, – поддакнул шутке старик. Он был региональным менеджером – солидный, серьезный мужчина с седыми висками и громадными черными усами, напоминающими щетку для обуви. Простой, солдафонский юмор он понимал и всегда рад был поддержать тему.

– Вот дураков с водочкой-то нам как раз и не надо. Или здесь одну станцию ставить на все три района, или три других – по одной на каждый, южнее. Мне эти три других в копейку, если не сказать в центы, вылетят. А посадить сюда хакеров, хоть даже и бывших зэка. Им какая разница, где баб виртуальных трахать, здесь или в Москве? Здесь же между делом они за системой следить будут, чтобы себе же локти со скуки не грызть.

– Это да! Вот смотри, я старый человек, уже седьмой десяток разменял, а свою внучку от телевизора этого... как там, мать его... монитора... оторвать не могу! – Николай Алексеевич глубоко вздохнул и продолжал: – Все она со своими хахалями трындит по Интернету. А живут через два дома. Да у нас домов-то в городе как раз только два и будет, – Он сухо рассмеялся, не выпуская изо рта сигарету. – Раньше мы без стука к друзьям бегали, а сейчас молодежь из квартиры носа не высунет. Ну, хоть не надо беспокоиться, где они пропадают!

– Вот-вот. А станции расставим в нужных местах, я и тебя, батя, в любой точке вычислить смогу, даже из Лондона. Ты у меня не отвертись, что связи не было...

Хрустя унтами по тянувшимся к солнцу бритвенно-острым торосам, Романов резко уклонился от порыва ветра и тут же натолкнулся на Николая Алексеевича, чуть его не повалив. Тот стоял как вкопанный, выпучив глаза; сигарета блесной повисла на нижней губе, норовя подпалить его моржовые усы.

– Андрей Андреич, смотри-ка, что это за катавасия такая, мать твою маковку!

Полурастаявший сугроб вокруг прибрежного черного валуна обнажил бесформенную, на первый взгляд, грудку тряпья и бумаги. Все это висело на каком-то белом каркасе, очерта-

ния которого проступали сквозь полуистлевшие тряпки. При ближайшем рассмотрении каркас оказался ребрами скелета, останками человека.

«Дошли...» – с каким-то безразличием подумал Романов. Тоска и боль в груди, сидевшие занозой вот уже неделю, с момента приезда за полярный круг, как-то удивительно враз и легко отпустили его. Вслух же он произнес:

– Ну вот, Николай Алексеевич, здесь станцию и поставим. Назовем «У погибшего альпиниста».

Глава 9

34°38'14» S

58°21'12» W

Буэнос-Айрес, Аргентина.

14 октября 1972 года

Ужин прошел скомканно. Мать была не в духе или обижена. Но это не помешало ей, как всегда, сесть во главе стола и прочесть традиционную молитву, которую Диего-младший помнил наизусть с пятилетнего возраста. Молитву эту Далма получила в письме от своей двоюродной сестры из Северо-Американских Соединенных Штатов, с острова Лонг-Айленд, с припиской: «это самая благословенная молитва, которую только может получить ваша семья». Спустя три недели сестра погибла в автомобильной катастрофе. Далма же исполняла эту молитву как завещание, перед каждым приемом пищи.

– Торжественно клянусь, что всегда буду уважать собственность других людей и довольствоваться своим уделом, предначертанным мне в жизни милостью Господней. Я всегда буду испытывать чувство благодарности к своим хозяевам, никогда не стану жаловаться ни на положенную мне плату, ни на лишнюю работу, но постоянно буду вопрошать себя: «Что еще могу я сделать для своих хозяев, для своего народа и для Господа Бога?». Мы рождены на этой Земле не для счастья, мы рождены для испытания. И это испытание – ноша Огня, данная нам для очищения наших душ. И если я хочу пронести этот Огонь из одного места в другое, то мне надлежит всегда быть человеком бескорыстным, трезвым, правдивым. Всегда быть чистым душой, телом, всеми своими делами и помыслами. Быть преисполненным уважения к тем, кого Создатель, в неизреченной своей мудрости, поставил надо мной. Если я выдержу это испытание, то после смерти причащусь жизни вечной, райского блаженства. Если же не выдержу, то буду вечно гореть в пламени ада, и дьявол будет ликовать, а Христос – скорбеть обо мне.

Диего сидел, уткнувшись взглядом в яичницу. Отец, наклонив голову набок, восхищенно смотрел на мать. Потом, пока Диего уплетал трижды подогретый омлет с крупно нарезанными кусками красного сладкого перца, отец с матерью, поглядывая на сына, вполголоса обсуждали городские новости. За стеной, сбросив от жары одеяло, ворочалась младшая сестра Мария.

– Совсем народ в городе с ума посходил. Говорят, появился какой-то маньяк, он убивает по ночам малолеток. Вот, послушай... – Она разгладила страницу местной газеты «Буэнос-Айрес ревью» на столе. – ...Шеф полиции Дон Родригерс предостерегает местное население района Ла Бока, в особенности родителей несовершеннолетних детей. Не разрешайте прогулки детям в вечернее время. Или присматривайте за ними сами...

– Буэнос-Айрес потихоньку превращается в Мехико-сити. – Закивал отец.

– Этот маньяк просто так, – вздыхая, продолжала мать, отодвинув газету в сторону, – избивает несчастных до смерти, потом отрезает им уши и посылает в полицейский участок. Почтой, бандеролью. Дескать, лови меня, полиция! Вот он я!

– Да, я слышал, родители из некоторых школ в нижнем городе даже решили ночные дежурства устраивать на улицах. Но разве за всеми уследишь? – Отец, потягивая вино, скрипел плетеным креслом.

– Сынок, ты бы не шастал по вечерам так поздно, а? Это хоть и не в нашем районе, а в Ла Бока, но береженного Бог бережет, – мать погладила взъерошенную кудрявую шевелюру Диего.

– И то верно, Диего, пока полиция не разыскала этого ублюдка, приходи домой засветло! Считай, что это мой приказ! – сурово поддакнул отец.

– Да, не беспокойтесь вы так, ма-пап! – скороговоркой выпалил парень, отодвинув тарелку и чмокнув мать в щеку. И уже на ходу, убегая в свою комнату: – Я ведь не один по вечерам-то хожу, а с друзьями...

Диего-младший разделся, выключил старую настольную лампу и забрался под одеяло. За окном монотонно зудели цикады, хлопнуло окно у соседки, проехал, дребезжа на ухабах, автомобиль дяди Марины. Пустое ведро, подвешенное к кузову, характерно постукивало на каждой кочке. Пару раз возопили коты. Огромный город медленно готовился ко сну. Некоторое время Диего лежал без движения. За одной стеной тихо разговаривали родители, за другой вертелась, что-то бормоча во сне, младшая сестренка Мария. На столе среди книг, поблескивая в лунном свете черно-белыми боками, лежал подарок отца. Диего выполз из-под одеяла и, сделав в темноте шаг, споткнулся, едва не ударившись головой о стол. Наклонившись, он поднял небольшой черный мяч. Мальчик стоял посреди комнаты замерев, склонив голову к плечу, и по щекам его текли внезапные слезы. «Я никогда тебя не брошу, Кулуангва! Никогда!» Он бросился на кровать, покрепче обнял старый мяч и повернулся с ним к стене, поджав колени к груди.

Диего снова почувствовал легкие, словно электрические, укусы. Он уже привык к ним. Они возникали каждую ночь. Совершенно безболезненные поначалу, постепенно эти укусы становились все ощутимее. Однако Диего не боялся их. Наоборот, он ждал этих ощущений с трепетом и глубокой радостью. Почти всегда в такой момент к горлу подступал твердый теплый комок, хотелось плакать. Плакать навзрыд. Что мальчик нередко и делал, наглухо завернувшись в одеяло.

На ощупь он сорвал с левой ладони почерневший пластырь. Покривившись от боли, через которую проходил каждую ночь, он зашептал: «Сейчас, сейчас, погоди...»

Сжав зубы, Диего надавил на рану большим пальцем правой руки. Невыносимая боль заставила его ухватить край подушки зубами, сдерживая стон. Крупная капля крови выступила из пореза и растеклась по ладони. Осторожно, чтобы не испачкать постельное белье, он приложил ладонь к мячу. Маленькая, она вошла в черную поверхность, почти как в расплавленный воск, и мяч своим убаюкивающим теплом крепко принял ее в свои объятия. Он будет удерживать в себе эту ладошку до самого утра, укачивая, лаская и массируя ее, пока кровь не остановится.

Мальчик заснул. На губах его блуждала счастливая улыбка.

Глава 10

Начальнику Разведывательного
управления Генерального штаба РККА
генералу Ильичеву И. И.

Нач. Второго управления, С/Л №174
подполковник Литвинов К. М.
Англо-американская резидентура
20 января 1943 года

ОПЕРАТИВНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Товарищ генерал,
по существу проведенной операции по извлечению секретного досье г-на Н. Теслы имею сообщить следующее.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

По следственному делу №877 допрошены старший лейтенант Ивасенко Алексей Трофимович, агентурный позывной «Джек», и лейтенант Гоев Павел Магомедович, позывной «Испанец».

Ивасенко А. Т и Гоев П. М. провели оперативную операцию в Северо-Американских Штатах, г. Нью-Йорк, с целью извлечения документального архива Николы Теслы, находящегося в разработке. В рамках операции была проведена многоходовая игра, которая к точно задуманному результату не привела.

Нам стало известно, что агентура Абвера в США (адмирал Вильгельм Канарис персонально курирует эту операцию) активно продолжает интересоваться исследованиями Н. Теслы. Нами отмечена высокая активность известной нам немецкой агентуры («Рон», «Штайн», «Араб»), очевидно, имеющей цель завладеть как старыми, так и новыми изысканиями г-на Теслы в рамках программы Vergeltungswaffe («Оружие Возмездия»), в самое ближайшее время (1—2 недели).

Учитывая вышеизложенное, было принято решение ускорить перехват по копированию и последующему уничтожению научных материалов, пока эта операция не осуществлена агентами Абвера. Представляю основные моменты из объяснительной записки по существу дела от старшего лейтенанта Ивасенко А. Т. как руководителя группы.

*Начальнику Второго отдела С/Л №174
подполковнику Литвинову К. М.*

Принимая во внимание, что объект разработки, ученый г-н Н. Тесла, вел в последние годы очень замкнутый образ жизни, полностью лишенный всяческих публичных и даже дружественных контактов, нами было предпринято несколько попыток внедриться к г-ну Тесле в качестве обслуживающего персонала гостиницы «Нью-Йоркер». В указанной гостинице г-н Н. Тесла проживал в последние годы в полном одиночестве. Однако г-н Тесла, как нами было установлено, общался только с известным ему персоналом гостиницы. Если же таковой вре-

менно отсутствовал, то завтрак, обед или ужин в его комнату доставлял управляющий отеля персонально.

Нам удалось зайти в комнату №673 отеля «Нью-Йоркер», где проживал г-н Тесла, в качестве истопников и чистильщиков каминов 7 января в 6:47 утра. Накануне, 6 января, нам удалось через крышу заблокировать дымоход камина комнаты №673, и через подкупленного нами консьержа М. Колина мы были приглашены как ремонтная бригада «Дж. Джеймсон и Ко» для установления причин аварии и их устранения.

Нами было принято решение в первую очередь скопировать архив и лишь потом, удостоверившись, что мы владеем всей необходимой документацией, постараться склонить г-на Теслу к сотрудничеству. Месторасположение сейфа нами было установлено заранее через того же консьержа. Вскрыть замок не представлялось затруднительным делом.

Мы несколько раз просили г-на Теслу покинуть помещение на полчаса-час, на момент проведения «ремонта», чтобы в его отсутствие вскрыть сейф и скопировать документы. Несмотря на ранний утренний час, г-н Тесла был одет в высшей степени изысканно, в дорогой черный костюм. Он также был при галстуке, будто собирался на деловую встречу. Однако г-н Тесла покидать комнату категорически отказался, будто что-то заподозрил. Он даже хотел вызвать обслуживающий персонал гостиницы, чтобы выпроводить нас. Учитывая эти обстоятельства, нам пришлось применить силу, чтобы нейтрализовать ученого на время.

Г-н Тесла оказал удивительное для своего пожилого возраста сопротивление. В один из моментов в процессе борьбы, видя безвыходность ситуации, г-н Тесла принял неизвестный химпрепарат: небольшой кусочек материала, который он оторвал от черного, пористого кубика. Этот предмет, черный кубик, он постоянно держал в руках. (Приложен образец 2х2х2 мм, взятый от оригинала для химического анализа – направлен в лабораторию Спецотдела, П. А. Судоплатову, 5-е отделение 9 отдела ГУГБ.)

Смерть г-на Теслы наступила мгновенно. Тело нами было перенесено на диван в гостиную комнату, уложено со скрещенными на груди руками с целью придать иллюзию самоотравления, или самоубийства снотворными препаратами. Все свидетельства борьбы, а также следы вскрытия сейфа, отпечатки пальцев и проч. были тщательно уничтожены.

Нами было произведено вскрытие сейфа и фотокопирование всех документов. Технологическая документация из сейфа, содержащая данные по производству «сверхэнергии», была нами – по инструкции Второго управления – уничтожена (сожжена в камине). В сейфе оставлены оригинальные документы философского и эстетического характера, не представляющие разведывательной ценности. Копии документов прилагаются.

ДОПОЛНЕНИЕ

Перед тем как покинуть комнату, нами было отмечено, что тело г-на Теслы приобрело весьма странные физические свойства. Оно стало необыкновенно тяжелым, труп как будто превратился в металлическую, стальную статую. Кроме того над всем телом г-на Теслы на расстоянии одного-двух сантиметров повисла тонкая ярко-зеленая прозрачная оболочка, которая исчезла сразу после прикосновения к ней.

Старший лейтенант НКГБ Ивасенко А. Т

Версия самоубийства г-на Теслы принята как основная и официальная. Фотокопированные документы переведены в нашем 6-м спецотделе Советского посольства в Вашингтоне. Фотокопии прилагаются. Перевод прилагается. В качестве доказательства принятия основной и публичной версии смерти без отягощающих обстоятельств, прилагается перевод статьи из газеты «Нью-Йорк таймс» от 13 января 1943 года

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГАЗЕТЫ «Нью-Йорк таймс»

13 января 1943 года

На смерть Николы Теслы.

7 января 1943 года на 87-м году жизни в Нью-Йорке скончался великий и противоречивый ученый Никола Тесла. Что мы знаем о нем? И много и ничего!

Тесла верил, что Вселенная – живая система, а все люди в ней – своеобразные «автоматы», ведущие себя по законам космоса. Он считал, что человеческий мозг не обладает свойством образной памяти в том смысле, как это принято считать, а память – всего лишь реакция нервов на повторяющийся внешний раздражитель, то есть инвариант, порожденный периодическими физическими воздействиями. Более важно, что он, имеющий более тысячи фундаментальных, научных изобретений, не считает творчество своей заслугой, а ясно заявляет, что исполняет роль проводника науки между миром идей и миром человеческой практики.

Никола Тесла ставил свои эксперименты на деньги не менее известного финансиста Джона Пирпонта Моргана, но так и не довел их до конца. Загадочные фразы, которые Тесла ронял от случая к случаю, взяты на вооружение газетами (в том числе и нашей) как безоговорочное доказательство его связи с иным миром. Людям, охваченным манией изобретательства, порой кажется, что стоит им чуть-чуть поднапрячь извилины – и родится гениальная идея, способная облагодетельствовать все человечество. Но и многие потенциальные инвесторы представляют себе деятельность ученых точно так же. Они готовы платить за реализацию готовых изобретений, но не намерены, как правило, финансировать длительные исследования. В 1900 году Тесла убедил миллиардера Моргана после их долгой таинственной встречи в Нью-Йорке, в «Гранд-отеле», спонсировать строительство его лаборатории на острове Лонг-Айленд.

Чтобы получить деньги, Тесла заявил, что теперь, после встречи с Джоном Пирпентом Морганом, знает, как передавать огромное количество энергии на значительное расстояние без всяких проводов. Он заявил, что сейчас знает *как* и обладает всем, для этого необходимым. Знал или думал, что знает? До сих пор никому не удалось добиться того, о чем он мечтал. Морган же решил, что достаточно выделить деньги – и величайшее изобретение века окажется в его руках. На деньги Моргана Тесла построил башню «Уорденклиф». Башня генерировала мощные ярко-зеленые электрические разряды, испускала молнии и до смерти пугала обывателей. Но практических результатов не было, и финансист Морган не только перестал давать деньги, но и через газеты объявил Теслу фокусником.

Однако нашей газете известно, что встречи ученого и финансового магната продолжались и после разрыва, хотя и происходили тайно. В том, что история сотрудничества Теслы и Моргана завершилась столь печально, виноваты оба партнера. Морган не понимал, что фундаментальная наука не всегда дает немедленную прибыль, а Тесла слишком доверял своей гениальной интуиции. А возможно, что этот внешний, показательный разрыв был только прикрытием более глубоких отношений.

У Теслы хватало идей и теорий, но он был склонен подгонять под них результаты своих экспериментов. Он, например, считал, что его эксперименты с электричеством вызывают грозы в Индийском океане, чему не было и не могло быть никаких доказательств. Впоследствии безграничная вера в собственные идеи не раз подводила ученого. Он заявлял, что изобрел «лучи смерти», которые могут уничтожить военный корабль на расстоянии 200 миль. Однако построенный им излучатель не мог причинить серьезного вреда даже лабораторным животным. Нам стало известно, что г-н Тесла, невзирая на свой преклонный возраст, активно сотрудничал

с военно-промышленным комплексом США. Тем не менее образ непонятого гения при необходимости помогает привлечь внимание широкой публики не хуже, чем бородатые женщины в цирке.

По заключению врачей, Никола Тесла умер от острой сердечной недостаточности – инфаркта. Сама смерть Теслы видится выражением его личного торжества: она, скорее, походила на сознательное переселение души в иные планы бытия, а не на смерть обычного славного человека, сконфуженного и испуганного перед лицом самоосвобождения. За два дня до момента развоплощения, Тесла перестал работать и заперся в комнате гостиницы «Нью-Йоркер», попросив, чтобы его не беспокоили. За день до смерти в номере ученого перестал работать дымоход камина. Дымоход был починен бригадой из двух эмигрантов. Они, по-видимому, были последними, кто видели г-на Теслу живым. Наша редакция пыталась найти этих людей, но безуспешно. По нашим сведениям, полиция не разыскивает этих людей, поскольку дело прекращено за отсутствием состава преступления (нет никаких видимых обстоятельств насильственной смерти ученого).

Господин Тесла не заказал свой традиционный завтрак, ланч и ужин, чем вызвал недоумение обслуживающего персонала. Когда директор отеля и горничная, наконец, вошли к нему, то обнаружили его тело бездыханным на диване. Ученый, сердце которого перестало биться, лежал на спине со скрещенными на груди руками. Он был элегантно одет в костюм и галстук и как бы готов к выходу. В руках у г-на Теслы была зажата черная плотная губка (кубической формы, размером приблизительно 2х2х2 см), словно ученый хотел показать, что он уходит из жизни чистым, причащенным.

Электромагнитная теория Теслы явилась наглядным примером объединения материального и духовного начал мироустройства. Он практически делал столь много, что не успел оставить нам целостной теории. Возможно, он мог оставить нам религию, но он этого не хотел, ибо знал, что Бог Науки нуждается в сознательных последователях. Г-н Тесла также уничтожил почти все свои записи, находившиеся в его секретном сейфе в номере гостиницы. Об этом говорят почти опустошенный металлический ящик и ворох пепла (очевидно, от бумаг) в камине.

Г-н Тесла должен был быть похоронен по христианскому и буддистскому обычаю, но за три дня до христианских похорон, 12 января 1943 года, он был вывезен из морга в Бруклине военными спецслужбами для проведения пост мортем в Ньюарке. На следующий день было объявлено, что тело ученого сожжено по буддийской традиции. Похороны состоялись в присутствии только самых близких покойного.

Газета «Нью-Йорк таймс» выражает глубокие соболезнования родным, близким и друзьям покойного.

ДОПОЛНЕНИЕ

Агент Ивасенко А. Т., «Джек», под видом служащего похоронного бюро вошел в доверие к работнику крематория С. Хотману. Тот рассказал ему, что во время церемонии прощания с телом покойного г-на Теслы гроб не открывали. А по весу он был намного легче, чем когда его забирали спецслужбы. Есть предположение, что г-н Никола Тесла не был кремирован и захоронен, а его тело находится в штате Нью-Джерси, в Ньюарке, в лаборатории Военного ведомства США.

Подполковник ГРУ Литвинов К. М.

АНАЛИЗ МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Тщательный анализ доставленного в лабораторию образца материала показал, что он является не чем иным, как органическим каучуком, предположительно очень давнего проис-

хождения. Никаких натуральных и синтетических ядов в представленном образце не обнаружено.

Лаборатория Спецотдела НКВД (5-е отделение 9-го отдела ГУГБ)

Полковник П. А. Судоплатов

РЕЗОЛЮЦИЯ

(левый, верхний угол, голубые чернила)

Несмотря на смерть Никола Теслы, продолжать активные розыски «триггера» и всех документов, с ним связанных. Докладывать лично.

Ильичев

Глава 11

20°40'14»N

88°34'12»W

Чичен-Ица, полуостров Юкатан, Мексика.

Декабрь 1520 года

С началом заката, как только Змей Чаак серой тенью спустился по ступеням Какулькана, отряд Кулуангвы пропел традиционный гимн победы, звуки которого эхом отразились в Храме Воинов, утонув в Южном храме, прямо у входа на стадион. Начиналась особая церемония, куда не допускались рядовые соплеменники, а только посвященные в тайну. Вожди и жрецы племени, издавна совмещавшие в Чичен-Ице эти обязанности, прикасались к тайне на каждую полную луну. А избранная команда по игре в мяч – лишь за несколько дней до знаменательного события, перед самым состязанием. Но на этот раз вся команда была приглашена Верховным жрецом вне обычного календаря. Церемония представляла собой особое действо, которое называлось Чок-Чайя, то есть Рассыпание Капель.

Бог Дождя, Змей Чаак, спустился с вершины вниз, на горячую землю, и жрец Вак Балама, подняв к этой вершине сухие руки, гортанно призвал всех членов команды, всех десятерых человек, следовать за ним вверх по крутым ступеням, в самый главный храм Какулькана. Сотни узких ступеней, куда едва помещалась ступня, под углом почти в сорок пять градусов, уходили далеко вверх, к храму, который даже не был виден от подножия пирамиды.

Интерьер храма являл собой довольно обширное помещение. Стены от пола до потолка украшали многочисленные рисунки и письмена, начертанные мелкой вязью. Несколько не приметных, небольших по высоте проемов по углам вели в потайные комнаты, откуда во время церемоний и выходили жрецы.

Сквозь узкие вертикальные прорезы в стене красными полосами еще пробивались последние солнечные лучи. А весь город у подножья – храмы, жилые строения и стадион – уже погрузился в темное марево, но оно не приносило ожидаемой прохлады ночи. Свет из проемов окон падал шестью лучами на самую середину комнаты.

Посредине храма, размеры которого были столь значительны, что позволяли находиться там одновременно нескольким десяткам людей, возвышался широкий, двадцать на двадцать локтей, каменный стол. Он представлял собой платформу из четырех низких, не выше колена, хорошо отполированных каменных плит. При желании стол этот можно было передвинуть в угол или даже вынести за пределы храма. Но сегодня он должен был стать центром обряда Чок-Чайя – Рассыпания Капель. Отполированная до зеркального блеска поверхность стола была испещрена многочисленными гравированными и цветными рисунками из жизни богов. Рисунки не нарушались желобами, идущими из центра – по три желоба на каждую сторону, двенадцать в общей сложности, – они заканчивались, сбега под уклоном, в лунке, темневшей в середине стола. При взгляде сверху рисунок желобов напоминал четыре цветка лотоса, что словно бы росли из одной точки в середине стола. Но красота эта имела вполне утилитарную функцию. Стол собирали в центре храма только для самых главных ритуалов – ритуалов приношения крови.

В середине между четырьмя отполированными каменными блоками, точно под отверстием лунки помещалась широкая каменная ваза, а в ней покоился черный каучуковый мяч размером с переросший кокос. Пережившая, как и мяч, многие поколения, ваза была темно-коричневого цвета – казалось, что известняк насквозь пропитался сильным натуральным красителем.

Жрец Вак Балама широким круговым жестом руки повелел собравшимся занять места вокруг стола. Голову и лицо его скрывала маска, расписанная ярко-красными и желтыми горизонтальными чертами. Его живот, смазанный черным маслом и отсвечивающий в лучах факелов, пересекали четыре глубоких белых шрама. Четыре других шрама – длинных, узких, словно кошачьих царапины – вспарывали каждое плечо, начинаясь чуть выше ключиц и заканчиваясь над сосками.

Десять взрослых мужчин в полной боевой раскраске медленно подошли к столу и также медленно опустились на колени по обе стороны. По пять воинов с каждой. Балама рукой указал Толане занять место напротив него, что та и сделала незамедлительно и тоже опустилась на колени, склонив голову. Тогда Вак Балама отошел в глубину комнаты, в один из темных углов, где всполохи факелов лишь иногда высвечивали странные гравировки на каменных, известняковых блоках, и растаял во тьме.

Через несколько мгновений жрец вновь появился, неся на вытянутых руках нечто, напоминающее широкий пальмовый лист с длинным стеблем, края его свисали вниз и при каждом шаге касались каменных плит. Стебель время от времени изгибался, но вовсе не в такт медленной поступи жреца. Когда Балама вышел на свет к столу, стало видно, что в руках у него голубой морской скат – рэй. Высоко подняв его над головой, Вак Балама крикнул: «Хе олай? Лет соро та кама вок!» – Готовы?! Не бойтесь, будьте сильными! После чего он с размаху бросил ската на стол. Тот упал плашмя с хлюпающим звуком, вокруг разлетелись ошметки прозрачной слизи. Его хвостовой костяной шип, похожий на отточенный наконечник копья, дважды вяло стукнул по поверхности стола и замер. Лишь мелкая дрожь, иногда пробегающая по телу морского обитателя, говорила, что скат еще жив. Однако присутствующие воины, казалось, не обратили внимания на это страшилище. Все десять мужчин и Толана, низко наклонив голову и смиренно сложив руки перед собой на столе, ожидали, что прикажет им Вак Балама.

«Кон на лува-на!» – прозвучала следующая команда жреца, и все мужчины подчинились ей не раздумывая. Они сбросили свои одежды, оставшись только в масках, и вернулись в прежние позы совершенно нагими. Затем, как по неслышной команде, воины затаили монотонный горловой звук: м-мम्म, м-м-мम्म.

Толана тоже сделала было движение, чтобы скинуть с себя расшитую цветными нитками накидку, но Балама остановил ее жестом, и она немедленно вернулась к столу и замерла в той же смиренной позе, склонив голову и сцепив перед собой кисти рук. Она присоединила свой голос к общему хору воинов. Звук гулко отдавался в стенах и расходился непрекращающимся эхом.

Женщина в храме, в святая святых племени, на вершине пирамиды Кукулькана – это было необычно. Правду сказать, это было впервые за всю историю существования племени. По крайней мере, Кулуангва, сидевший на коленях у стола, не мог вспомнить ни одного случая, когда при Чок-Чайя присутствовала бы женщина. Ни разу ни отец, ни дед не рассказывали ему ничего подобного. Толана даже не вошла, а почти вползла в храм на четвереньках и только после разрешения жреца встала в полный рост.

Вак Балама вновь отошел в тень, скрестил на груди руки и некоторое время молча и угрюмо наблюдал за стоящими на коленях обнаженными мужчинами. Толана изредка болезненно морщилась, пытаясь держать спину прямо и не прижиматься животом к холодной поверхности. Жрец заметил это: еще несколько недель, и тело женщины принесет племени очередной плод. Но это-то и беспокоило Баламу больше всего: женщины в его планах предназначались совсем для других целей. Они являлись одним из важнейших инструментов в жертвоприношениях племени, когда требовалось умиловить разгневанных богов. Но не сейчас, не здесь – на вершине пирамиды. Не в храме и не с новой командой игроков в мяч. Позже, через несколько дней. Это будет особый случай.

Обычно для обряда выбирали девственниц, и Толана, естественно, уже не подходила. Принесение в жертву совершалось так: девочек, от трех до шести человек, мыли в горячих каменных ваннах, натирали маслами специальных растений, а затем жрец на глазах у беснующейся толпы овладевал этими невинными. После чего помощники жреца наряжали бедняжек в красивые одежды и золотые украшения. Наконец, девочкам подносили особый ритуальный напиток, и вскоре – буквально через несколько минут – малышки погружались в свой первый и последний транс.

Секрет этого напитка издавна передавался жрецами из уст в уста и был, конечно, известен Баламе – вождю и жрецу племени. Тайна зелья состояла в его двойственности. Два напитка смешивались, чтобы не только дополнять, но одновременно и отрицать друг друга в теле человека. Алкогольная настойка на отборных кактусах, повышающая настроение, тонус и кровяное давление, смешивалась в неразглашаемой пропорции с выжимкой из водяных лилий. Этот экстракт из лилий, вызывающий сильные галлюцинации и резко понижающий кровяное давление, Балама всегда готовил сам, не допуская к священнодействию даже своих ближайших помощников.

Сердечки юных жертв, как правило, не выдерживали сопротивления влитых в них напитков, и девочки умирали, погружаясь в видения, безволие и смерть. Тела малышей, богато разодетые, украшенные и расписанные цветными татуировками и яркими замысловатыми узорами, весь последний путь несли на руках избранные воины. Они же на глазах у всего племени, идущего вослед за процессией, скидывали жертвы в сеноты, спрятанные в глубоких ущельях – своего рода дырах-колодцах.

Один из сенотов находился в Чичен-Ице, к северу от плато Орлов и Ягуаров, Цомпантли, другой – Сенот Штолока – прямо в центре города, около главного колодца. Но последние два давно уже не приносили свежей воды и заполнялись менее чем наполовину единожды в год – во время проливных дождей, в середине весенних месяцев. Затем вода в них начинала цвести и становилась пригодна лишь для полива кукурузных полей, что расстилались прямо за Северным храмом и полем для игры в мяч.

Сейчас же кукурузное поле племени было мертво. Утыканное сухими стволами побегов, едва выросших чуть выше колен и выгоревших под палящим солнцем, не успев выпустить даже молочные початки, оно наводило ужас на все племя.

Последнее приношение Вак Балама совершил четыре полных луны назад. Боги хотели крови только в полнолуние. Сегодня была как раз полная луна, и боги требовали новой крови. На это указывали и три звезды Трех Священных Воинов, что становились в одну линию с другой, самой яркой звездой, немигающей и прекрасной, – звездой Царицы Воды. А солнце бога Чаака останавливалось и застывало под этим знаком на несколько часов без движения, прежде чем опустить мир в царство тьмы и вернуться назад следующим утром. Это случалось только раз в год, 21 декабря. До этой священной даты оставался уинал – двадцать дней.

Однако странное обстоятельство, случившееся со Священным сенотом Чичен-Ицы шесть полных уиналов назад, определило совершенно иной ход жертвенного обряда.

Сеноты, ранее заполнявшиеся холодной ключевой водой глубиной в несколько десятков метров, имевшие хитрые выходы через множество подземных пещер в соленое Карибское море, вдруг совсем обмелели и даже пересохли. Кроме того что в них сбрасывали жертв, трупы которых вода всегда моментально уносила в подземные реки, а стекающие в море колодцы были единственным источником пресной питьевой воды.

Тела шести девочек, принесенных в жертву в последний раз, вода почему-то никуда не унесла. Они так и остались лежать в небольших, мелеющих на глазах озерцах как красивые раззолоченные куклы. Когда же сбросили в колодец ведра на длинных веревках, сплетенных из коры деревьев, воду из этих последних источников пить уже было нельзя. Кривясь от запаха,

один из жителей сделал несколько робких глотков, его тут же стошнило, а на следующий день он стал одним из первых мертвецов, вынесенных горожанами за пределы города и заваленных камнями. Так город остался совсем без воды. Дождей не было шесть уиалов – столько же, сколько не приносились в жертву богам счастливицы, которые, как думали в племени, через смерть попадают в Храм Счастья.

Теперь, когда уже весь город тихо роптал, ежедневно вынося трупы родных и близких за городскую стену, жрец решил, что время пришло и ждать больше нельзя.

Глава 12

21°10'30»N

86°53'45»W

Мексика, полуостров Юкатан.

14 декабря 1971 года

Поездка в Мексику, о которой упомянула Далма в разговоре с мужем, случилась чуть более года назад, под Рождество. Надо сказать, Далма сильно настаивала, чтобы на святой праздник вся семья была дома в Буэнос-Айресе. «Обязательно! Иначе, вещи отца будут стоять в чемоданах перед дверью!»

Старший Диего работал в то время в небольшой строительной компании, которая нанимала на временные работы множество сезонных рабочих, часто совсем неграмотных и неквалифицированных. Их отправляли на подготовку участков к строительству, вывоз деревьев и мусора, установку ограждений, чистку будущих пляжей или в качестве охраны. Диего работал на компанию вот уже полные двенадцать лет, имел хорошие навыки в строительстве, укладке кирпичных стен, отделке внутренних помещений и даже научился читать чертежи. А самое главное, он знал английский и мог объясняться на этом языке. Главный управляющий компанией уже доверял Диего руководство бригадой в несколько более-менее профессиональных строителей и парой десятков разнорабочих. Зарплата повысилась, и Далма теперь меньше пилила главу семьи за мизерные доходы.

А в мае 1971 года компания была привлечена американским строительным гигантом «Рок энд Стилл инкорпорэйшн» для закладки сети курортов на Канкуне – стремительно развивающемся мексиканском побережье полуострова Юкатан. Контракт оказывался выгодным обеим сторонам. Американцы получали относительно недорого более-менее профессиональную рабочую силу, не тратясь на обучение местного населения. Диего же впервые получил такой выгодный – по аргентинским меркам – международный договор. В его обязанности входила, помимо прочего, доставка бригады строителей в Мексику, на Канкун, и размещение их на территории. Там они должны были подготовить участок для строительства отеля «Каракол», который когда-нибудь войдет в американскую сеть «Стэйнбридж». Итак, пять когда-то ярко-желтых – в прошлом калифорнийских школьных – автобусов, под завязку набитых строителями, двинулись по направлению к Мексике. Их сопровождал «Фольксваген-Караван» 1964 года выпуска, расписанный яркими экзотическими цветами, листьями марихуаны и пальцами в жесте «виктори». Диего приобрел это средство передвижения за три сотни долларов (плюс две бутылки хорошего домашнего вина от тетки Амии) у молодой пары из США, решившей навсегда остаться в таком славном уголке мира, как Аргентина.

Две недели в Мексике пролетели стремительно. Диего Гонзалес-старший появлялся в своем спальном вагончике лишь поздно вечером, проводя весь день на строительной площадке. Таким образом, Диего-младший на все дни был полностью предоставлен самому себе и, мотаясь по километровым белым пляжам, открывал для себя все новые и новые тайны. Ребята из его школы могли бы только позавидовать тому, сколько всего Диего узнал и разгадал для себя за эту неделю. Иногда, блуждая в зарослях сухих джунглей, он находил странные строения, непонятные фигуры, изваяния, вырезанные из белого известняка, страшные, с выпученными глазами и оскаленными клыками. Их постоянно устремленные на него, куда бы он ни отходил, глаза внушали Диего панический страх. Поэтому, честно говоря, Диего так и не смог подобраться ни к одной из этих скульптур поближе.

Однажды, заигравшись в лесу, Диего потерялся. Вроде только что здесь была проселочная дорога от городка строителей до участка. Только что слышался шум моря, на который все-

гда можно было идти смело и точно оказаться неподалеку от строительства, но вдруг этот шум как-то незаметно и бесследно исчез. Диего испугался, ведь все ориентиры, о которых много раз говорил отец, были потеряны. Несколько раз он кричал, сложив ладошки рупором, на все четыре стороны, но ответом ему были лишь голоса птиц и шелест сухих листьев.

Неожиданно на поляну, где, подняв к небу взгляд, стоял Диего, вышел низкорослый старик. Он был кривоног, одет в смешную набедренную юбку, грубую, но яркую. Этот дочерна загорелый человек, с большой, какой-то шишковатой головой, что-то гортанно спросил у Диего на совершенно непонятном языке. Видя, что мальчик ничего не понимает, старик широко и щербато улыбнулся и жестом руки предложил Диего следовать за ним. Что же оставалось делать Диего? Солнце клонилось к закату, и без посторонней помощи выбраться отсюда он точно не смог бы. Да и силы стали потихоньку оставлять мальчишку – несколько часов без воды и пищи в густых зарослях давали о себе знать. Тем более вид у незнакомца был совсем не злобный.

Небольшое селение, к которому старик привел заплутавшего путешественника, уже погружалось во тьму и сон. Где-то кудахтали куры, плакал младенец, трещали угли в потухающем костре. Человек показал Диего на небольшую глинобитную хижину, дал ему напиться пресной, но теплой и затхлой воды и предложил пару лепешек с небольшого стола. Затем спаситель выудил откуда-то грудку жестких полосатых одеял, расстелил их прямо на полу хижины, свернув одно вместо подушки, и Диего, повалившись на всю эту благодать, заснул мертвым сном. Спаситель, дождавшись, пока дыхание Диего станет ровным, укрыл мальчика легким покрывалом и, тихонько притворив грубо сколоченную дверь, вышел на поляну в центре поселка.

Подле потухающего костра на поляне сидел неподвижно высохший старик, молча уставившись то ли на тлеющие угли, то ли на мириады звезд на черно-синем неподвижном горизонте. У него были челюсть властолюбца и лоб философа. Лоб этот, изрезанный множеством морщин, рассекал глубокий, вертикальный шрам, судя по всему, давно не заживающий. Старик сидел на земле, подобрав под себя ноги и уложив на них какой-то круглый темный предмет размером с кокосовый орех. Спаситель Диего Гонзалеса подошел к старику, наклонился и что-то прошептал ему на ухо. Тот едва заметно кивнул головой и вновь остался в одиночестве, даже не повернув головы вслед уходившему соплеменнику.

Глава 13

45°27'57» N

9°11'21» E

Милан, Италия.

14 мая 1991 года

Ехать Родиону Карловичу Тейхрибу пришлось довольно долго. Многоэтажные дома времен ренессанса и классицизма сменились кирпичными и блочными строениями пригорода, с граффити по штукатурке, с отбитыми и потекшими углами выцветшей краски и порой с пустыми глазницами окон. Но Родион не очень обращал внимание на пролетавшее в закатных лучах солнца окружение. Боль в висках его становилась нестерпимой. Наконец, автобус резко затормозил, подняв цементную пыль близлежащей стройки, и остановился у покореженной металлической рамы – остова автобусной остановки. Маленький человек легким движением загорелой руки указал Тейхрибу – «На выход». Тот беспрекословно подчинился.

Ступив на пыльную мостовую на виа Привата Офанто, он огляделся по сторонам в поисках аптеки или вывески с зеленым крестом. Голова по-прежнему раскалывалась. Или жара была причиной, или утренняя утомительная лекция о современном и историческом положении Страны Советов в мировой политической системе, с кучей никчемных вопросов аудиторией о возможном построении «новой демократии» в СССР.

Итальянец же, быстро семеня кривоватыми ногами, поминутно оглядываясь и заговорщицки помахивая ладонью у бедра, звал Тейхриба за собой, вниз по улице. Словно бы повинаясь чужой воле, Родион молча плелся за стариком. Идти пришлось недолго. Уголок, куда направлялся старый итальянец, находился в безлюдном, но достаточно шумном месте, прямо у съезда с 51-й автомагистрали Тангезил Ист. Слышно было, как наверху, нервно сигналив друг другу, проносятся автомобили, грузовики, фургоны. Но тут, внизу, ни пыль, ни шум не мешали виноградным лозам оплести белые веранды замысловатой, зеленой паутиной, кое-где уже начали набирать свой терпкий сок тяжелые гроздья. Помидорные кусты на тонких гладких кольях стояли по периметрам участков, отделяя соседей своей невысокой живой изгородью. Пахло молодым вином, свежим хлебом. Не Милан, а провинция.

Старик подвел Тейхриба к какому-то дому и быстрым движением руки пригласил внутрь. Глядя на выцветшую вывеску «Vecchie – Nuove⁵» и множество старой утвари и непонятной рухляди, Родион Карлович определил для себя лавку как антично-вторичная. Все, что произошло потом, было похоже на странную мини-комедию черного юмора.

Профессор истории Московского университета Родион Карлович Тейхриб стоял посреди маленького помещения, заваленного хламом, и с возрастающим интересом оглядывал все это, несмотря на жестокую мигрень. Старик же исчез за перегородкой, но тут же вернулся, держа в одной его руке стакан воды, где пузырилась крупная таблетка, другой рукой, словно золотой меч, он сжимал крупный початок вареной кукурузы. Под мышкой был зажат небольшой черный предмет, более похожий на древесный гриб или хорошего размера брюкву.

Старик ткнул стакан Тейхрибу (тот взял его без промедления), стукнул себя пальцем по виску и сказал что-то типа «Si prega di bere, da un mal di testa». С скромными познаниями в итальянском подсказали Тейхрибу перевод: «Пейте, пожалуйста, это от головной боли». Он немедленно выпил пузырящуюся жидкость с привкусом ацетилсалицила, прикрыл на мгновение глаза и тут же чуть не упал, получив сильный удар по голове.

⁵ Дословно: старое – новое (ит.).

Отшатнувшись и выронив стакан, который разлетелся на каменных плитах в мелкое крошево, Родион Карлович открыл глаза и увидел, как по маленькой комнате летят ошметки сочной массы – желтые кукурузные горошины. Это же месиво сползло и с его лба и волос. Прежде чем он успел опомниться, старик проворно развернул его за плечи, пинком выставил за дверь, прямо под колеса едва успевшего затормозить автобуса. Вслед ему полетел обломок кукурузного початка. К удивлению Тейхриба, не последовало ни ругани, ни долгих итальянских разъяснений с сочными жестами и хриплыми вскриками «идиотто». Водитель затормозившего автобуса просто открыл дверь во все такой же пустой автобус. «Джузеппе Сизый Нос» вышел вслед за Тейхрибом, развернул того к себе и вложил в его руки черный предмет. С некоторым очевидным извинением в голосе он произнес: «*Ton gucha, Rodion! Grazie*», повернул профессора в обратную сторону и легонько втолкнул в автобус.

Тейхриб плюхнулся на первое сиденье и минут пять сидел, тупо смотря в окно. Затем задумчиво провел по влажному от кукурузы лбу и почувствовал легкую, саднящую боль над левой бровью. На пальцах осталась небольшая кровавая полоска. «Вот так получают увечья в кукурузных боях за свободу и независимость...» – усмехнулся он про себя. На коленях у него, тяжело давя на бедра, лежал черный каучуковый шар. Родион опустил на него руку со следами крови и вдруг, почти мгновенно, терзавшая его уже несколько часов боль улетучилась. Просто ушла, отпустила его. Профессор растекся по пластиковому креслу с блаженной улыбкой.

Из небытия его вывел окрик водителя. Автобус стоял на той же самой остановке на пьядца Лима, и даже на той же самой стороне виа Плени. Когда Родион шел мимо водителя, тот остановил его. Вежливо, но настойчиво он постучал прокуренным ногтем по металлической, изрядно поцарапанной коробке с треснувшим стеклом окошечка.

– *Dieci lire, signore, per favore*⁶, – просипел он.

– Си, синьор, – в тон ему ответил Тейхриб, бросая в кассу потертую монету в десять лир, с колосьями – на одной и с плугом – на другой стороне. Через минуту он опять сидел на скамейке остановки, будто задремав на несколько минут. Головной боли как не бывало, а в ладонях он грел черный каучуковый мяч.

⁶ Пожалуйста, синьор, десять лир (*ит.*)

Глава 14

55°46'12»N

36°39'10»E

Москва, Российская Федерация.

8 сентября 1994 года

Проснулся он от голосов за дверью, лежа на жестком матрасе, в небольшой, необставленной комнате, в мезонине, под самой крышей дома. Матрац был не застелен, но в изголовье заботливо лежало чистое белье, простыни, одеяла, подушка, наволочки, чистые, но поношенные джинсы, футболка с надписью «Динамо М» (откуда узнали, что это его любимая команда?), полотенце, мыло. Он сразу почувствовал запах от его собственной одежды и устыдился.

За окном шумели позолоченными кронами березы. Доносились звуки радио: пели про вишневую «девятку». Олег выглянул в зарешеченное окно и увидел старика-узбека, собирающего листья. На шее у него, на бельевой веревке, висел транзистор «Вега». Узбек собирал листья, попадая в ритм песни. Дверь, на удивление, оказалась не заперта, и, выйдя из комнаты, Олег обнаружил своих недавних знакомых – они сидели в потертых креслах, курили и азартно играли в нарды.

– О, брат Олежка проснулся! – насмешливо процедил один. – А воняешь-то! Давай ноги в руки и в душ, там тебе бритва и зубная щетка приготовлены. Не забыл, как зубы-то чистить?

Оба громко заржали.

Олег вышел из ванной комнаты посвежевшим.

– О! Ты кто? Вещий Олег два? – Удивлению «спасителей» не было границ. – А ты говори: зачем нам такой нужен? – Обратился тот, что покрупнее, к другому.

– Шеф будет доволен на этот раз!

Олега и впрямь было не узнать. Бывший бомж провел добрый час под упругими струями воды, извел почти весь кусок мыла. Два китайских одноразовых бритвенных станка ушли на то, чтобы на лице и черепе не осталось ни одного волоска.

Олег был человеком творческим, художником по жизни, как он себя называл. И неважно, что он делал. В душевой кабине он представлял себя молодым Котовским. О творчестве же он рассуждал примерно так: творчество художника-по-жизни – певца, скульптора, композитора, поэта, кого угодно из этой братии – не может и не должно рассматриваться в отрыве от его судьбы или, называя вещи своими именами, смерти. Скажем, стихи Пушкина не стали бы хуже, если бы его не убили на дуэли, но вряд ли их кто-нибудь помнил бы до сих пор, так же как мало кто помнит стихи Жуковского, Кукольника или Баратынского.

Потребитель искусства любит «заглянуть на последнюю страницу» и узнать, что автор совершенно честно повесился, застрелился или скакал голым по тюремной клетке. То есть все, что он написал, сделал, нарисовал, спел, – чистая правда.

Людам приятно знать, что Гоголь сошел с ума, а Лев Толстой умер на безвестном полустанке, что Веня Ерофеев честно помер от рака горла, а Олег Григорьев – от цирроза печени. Настоящий артист обязан умереть на сцене, певец должен дать последнего петуха и рухнуть в зал, Цой должен умереть молодым, а Кобейн сдохнуть от передоза, тогда все по-правде, все по-настоящему. Потому что так правильно. Так правильно уходить людям знаменитым и талантливым. Сам же Олег Первушин, в отличие от знаменитых людей, умел уходить по-своему. Он был уверен, что может, «как зайчик, ускакать» из любого заколдованного круга. Незамеченным. Исчезнуть, как тень в полдень.

Вот, родился себе человек в Казахстане в 1960 году, в бывшем городе Целинограде. В школе учился, отличником был. Потом два года в армии служил в Заполярье, техобслужкой

на военном аэродроме. После армии поступил в Свердловский архитектурный институт. Многие над ним посмеивались – «приняли тебя как национальный кадр». Институт он, однако, не закончил; мотался по стране проводником, начал писать рассказы и дневники своих путешествий. Однажды эти записи попали в руки продвинутого молодежного издателя. В начале девяностых их опубликовали. Читателям понравилось: еще, еще... Жизнь вроде налаживаться начала. А он взял и ушел, тихо, по-английски.

Уехал в деревню Гостилово Невельского района Рязанской области. Сына родил и жил там с ним, с женой Катей, собакой Ряхой и котом Маркизом. Сидел вечером на крыльце в сатиновых трусах до колен, курил и смотрел на небо. Но жена устала, уехала в Москву и забрала с собой сына. Олег остался, отчитанный напоследок супругой: «Другие чудики хоть пиарить себя умеют: вон, сегодняшние юродивые от современного искусства в какие валютные тыщи свою дурь конвертировали. А у тебя что? Книжки печатали карликовыми тиражами, картины, кажись, вообще не выставлялись, а пиком твоей известности стало появление минут на десять в телевизоре, в передаче о засилье чиновников от культуры, куда тебя эти сами чиновники из нашей деревни и вытащили. Тьфу на тебя!» В общем, Олег Анатольевич Первушин мог совершенно не кривя душой сказать вслед за одним украинским старичком: «Мир ловил меня, но так и не поймал». Но вот вчера, судя по всему, все изменилось, и мир все же поймал его в свой садок, по какому-то определенному, но только ему понятному Мировому Смыслу.

Старинный армейский дружбан, казах, высохший донельзя, посадил его сначала на легкие наркотики, а немного спустя и на жесткий герыч. Денег не брал – Олег стал у него мелким распространителем, все больше и больше подвися на ниточку черных точек на сгибе левой руки. Как в старом анекдоте: «Даже в конкурсе мудаков ты занял бы второе место! – Почему же, дорогая, второе-то? – Да потому что ты мудака!» Вот и он, Олег Первушин, видимо, был записным мудаком-лузером. Жил на каких-то выселках в рязанских лесах – ни денег, ни работы, ни громкой славы, ни официального признания. А если и выбирался куда в столицы, то только чтобы ханку или дурь толкнуть. С ними не попадался, а то совсем бы конец, но вечно во всякие истории влипал. Выпьет в какой-нибудь странной компании и, веселый, добродушный, начнет громыхать за жизнь, тут его и повяжут. Менты вообще постоянно его «принимали» за его синий казахстанский паспорт, безошибочно выхватывая наметанным взглядом в любой толпе. Три раза принудительно лечили, но хватало ненадолго, недели на три-четыре. Да и в стационар постоянно или «синьку», или «грязь», или тот же герыч заносили. Порой даже и охрана подторговывала. Какое уж тут лечение – смех один. Катерина от этого и уехала – устала бороться.

Вчера, например, – рассуждал Олег, стоя под душем, – тоже ведь как хорошо все начиналось. Начали выпивать с хорошими людьми еще в плацкартном вагоне. Ехал в Москву повидать сына. Было много слов и братания, слёз на кулаке и в отвороте пропахшего дымом ватника. Два раза бегал покупать у бабок водку на полустанках. Последняя бутылка была уж больно забористая – свалились все. Из вагона утром вывел проводник, благословил пинком под зад, и Олег побрел на Красную площадь, как Венечка. И вот – ни копейки денег, ни документов. Потом эти братки в малиновых пиджаках, машина, матрац. И дальше что?

После помывки и переодевания братки, еще раз осмотрев Первушина с ног до головы, отметили дорогу по вене, повели его на второй этаж, мимо мебели в «балийском» стиле, массивной и причудливой, мимо тяжелого стола с шестью креслами «из дворца», мимо множества ваз. Когда его ввели в просторный кабинет, первое, что он увидел, – большой стол, заставленный сувенирами из разных экзотических стран: статуэтками, масками, подставками под пишущие принадлежности. Там же он разглядел подзорную трубу, матово мерцающую медными боками, и старинный глобус, глубоко сидящий в бронзовом кольце. Над столом, как в кабинете военачальника, висела географическая карта мира высокой точности, усыпанная, как клопами, красными точками иголок, указывающих, по всей видимости, на высокую туристическую активность хозяина.

За столом сидел маленький, плотный, совершенно лысый человек, абсолютно без шеи. Голова его росла прямо из плеч. На нем была майка футбольного клуба английской премьер-лиги «Ливерпуль».

– Меня зовут Алексей Потапов, если кто не знает... – Он погладил свою лысину, с усмешкой взглянув на обритого «под Котовского» Олега.

Олег вдруг ясно понял, что нет у него желания знать имя этого типа. Он опустил голову и устался на свои ноги в китайских кедах. Гулко тикал на столе хронометр, за окном кто-то матерился, видимо, все тот же узбек-садовник. Молчание затягивалось, и Олег поднял взгляд. Человек по имени Алексей Потапов пристально смотрел ему в лицо. Под долгим неморгающим взглядом Олег ощутил в себе пустоту и унылость. Да и ломка уже начала подступать: потянуло суставы, напряглась спина.

– Так как времени у меня мало, буду краток... как тебя?.. – Лысый заглянул в листок бумаги, лежащий у него под руками. – Олег... Олег Первушин. Тем более что выбора у тебя все равно нет. Хочу прочитать тебе кое-что.

Человек вынул из стола журнал Международного географического общества, полистал, остановился на нужной странице, отодвинул журнал немного в сторону, как это делают люди с начинающейся дальновзоркостью, и принялся читать:

– В Арктике и Антарктике существует более 190 законсервированных полярных станций. Запасы топлива и продуктов на них позволили бы существовать одному-двум человекам долгое время – пять-шесть лет. Для СССР иметь такие станции – своего рода престиж. Кроме того, эти безлюдные станции служат для навигации и поддержки ГлавСевМорПути, а также в качестве метеостанций.

Закончив читать, он вновь поднял глаза на Олега.

– Вот на одной из таких станций тебе и придется поработать, брат. То есть просто пожить там. То есть выжить. Каждые три месяца мы будем навещать тебя – проверять, принимаешь ли ты еще пищу. И чем дольше ты продержишься, тем больше у тебя шансов вернуться в мир. Надо сказать, что ты сейчас намного лучше, чем вчера. Если вчера ты был помоями общества, то сегодня ты уже что-то другое! Ты – фишка в казино! На тебя, брат, поставили шестеро влиятельных, серьезных и добропорядочных граждан. Я – один из них. Ты же не сомневаешься в моей добропорядочности?

«Какой полюс, какая станция? – Олег ощутил холодную, смертельную усталость. – Я же без герыча и двух дней не протяну!»

Лысый человек по имени Алексей Потапов, в красной майке «Ливерпуль» разглядывал его еще с полминуты и затем, будто нехотя, снова раскрыл рот:

– Теперь иди готовиться к зимовью на Студеной⁷. А это тебе на память от меня – путеводитель твоей миссии. – Потапов вырвал из географического журнала страницу с заметкой о полярных станциях СССР и платком засунул ее в задний карман Первушинских штанов. По тому же карману его крепко и уверенно похлопал ладонью Малиновым Пиджак, направляя к двери. Вторая его рука железной хваткой ухватила первушинский локоть.

Когда Олега вывели в коридор, Алексей Потапов окликнул Малинового, тот повернулся, на секунду ослабил хватку, и этого было достаточно, чтоб дернуться в сторону и вырваться из клещей. Олег метнулся к окну, вышиб головой большое, почти витринное стекло, кубарем прокатился по теплой, сверкающей бликами оцинкованной крыше и ухнул вниз, на кусты роз. Упал спиной. Боли не было, не было и звуков. Он судорожно вдохнул запахи сада: сырость травы, дым от ливня, запах антоновки из детства. И потерял сознание. Радио на шее у узбека

⁷ Персонаж шутит, вспомнив, по-видимому, рассказ Д. Н. Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной», что, скорее всего, выдает его уральское происхождение.

перешло с песни Игоря Николаева на прогноз погоды: «Завтра, девятого сентября, в столице дождь, ветер северный пять – семь метров в секунду, утром возможны заморозки на почве...»

Глава 15

21°10'18»N

86°52'34»W

Полуостров Юкатан, Мексика.

15 декабря 1971 года

Худая черная курица, деловито покудахтывая, зашла в приоткрытую дверь хижины в полной уверенности, что сейчас совершит тайное и священное действие – снесет яйцо. Всходило жаркое солнце нового дня – самое время для рождения новой жизни. Но в углу хижины, где находилось ее священное соломенное ложе, лежало что-то большое и чужое. Кто-то, полностью укрытый потертым цветным одеялом, дышал и тихонько посапывал. Наседка решила не церемониться и, громко кудахтая, вспрыгнула на обидчика. Диего Гонзалес, а это был он, почувствовав какое-то странное движение на своем животе, резко вскочил – истеричные крики убегающей птицы вернули его сознание в наступающий день. Он ничуть не испугался, вспомнив вчерашний вечер, а, сладко потянувшись, как выпавшийся котенок, выбрался из хижины. Положив руки на пояс вывернутыми назад ладонями, он деловито оглядел залитый ранним солнцем поселок мексиканских аборигенов.

Сухой старик с пепельным лицом сидел перед костровищем у края поляны, словно дожидаясь Диего со вчерашней ночи. Он, казалось, дремал, низко опустив косматую голову на грудь. Еще раз потянувшись и улыбнувшись разноголосому щебету, Диего побрел, повинувшись урчанию в своем желудке, к слабому дымку, что вился над странной, бесформенной глиняной печкой-коптильней.

Низкорослая, широколицая старуха, возившаяся у плиты ничего не говоря подала Диего глиняную миску, бросила в нее большой деревянной поварешкой горку желтой кукурузной массы и несколько небольших кусочков жареной курицы. Еще она дала парню ложку поменьше и рукой указала на небольшой стол с парой самодельных табуретов, притулившихся у невзрачного строения. Уплетая простой и удивительно вкусный в своей простоте завтрак, Диего поднял глаза и обнаружил, что из ближайших кустов за ним с огромным интересом наблюдает целая дюжина любопытных черных глаз. Удивившись, он все же доел свой завтрак, отряхнул с колен невидимые соринки и двинулся прочь из тени деревьев в сторону площади.

Едва выйдя из зарослей, Диего остановился как вкопанный: около трех десятков жителей поселка смотрели на него в упор. У селян была темная кожа, цвета порошка какао. Все они были очень худые, у многих взрослых не хватало зубов. Ноги их были кривые или отечные. Дети прятались за спины родителей, некоторые глодали кукурузные початки и с подозрением взирали на незнакомца. Обвисшие голые груди женщин спадали до живота, а цветные набедренные повязки мужчин висели уныло, и то, что они едва прикрывали, походило на засохшие стручки гороха. Некоторые матери держали на руках укутанных в полотенца младенцев, но ни один не плакал. В поселке было много таких же, как люди, худых и кривоногих собак, но ни одна из них не лаяла. То там, то тут в толпе раздавалось сухое покашливание, и все.

Прямо перед толпой в той же позе, что и вчера ночью, сидел сухой старик со шрамом на лице. Молчание начало удручать, и Диего, приложив руку к груди, неловко поклонился. Старик поднял руку, и из группы людей вышли несколько подростков, все еще держа в руках обглоданные початки. Один из них вдруг резко ударил Диего кукурузиной в грудь, и мальчик замер, подняв по непонятной для него самой причине обе руки вверх.

Как долго Диего стоял в такой позе, неизвестно. Очнулся он от того, что кто-то осторожно тронул его за плечо. Это двое пацанов задиристого вида, черные от загара, боком подошли к Диего и начали что-то лопотать на своем языке. Диего глупо улыбался – не хотелось ему

черт знает где получить по голове от черт знает кого. Один из аборигенов вдруг ткнул Диего в грудь, прямо в майку с надписью «Гранада Скул, Буэнос-Айрес», и спросил: «Аргентина?» Диего только кивнул головой, оставаясь где-то далеко. «Фут-бол?» – тихо продолжил мелкий незнакомый друг. Диего опять кивнул, осознавая, что волшебное слово «футбол», пожалуй, единственное средство, способное перевести вражду в дружбу. Другой из местных тоже улыбнулся беззубым ртом, дружески толкнул его плечом и, достав из-за спины небольшой черный и круглый предмет, бросил его Гонзалесу под ноги. Толпа мальчишек вокруг поляны одобрительно загалдела, замахала руками, захлопала в ладоши. Затем из кустов на поляну вывалилась детвора в возрасте от четырех до десяти лет и окружила Диего.

Игра началась как-то сама собой. После того как мальчишки высыпали на поляну, галдя, толкаясь и махая руками, они, почти не договариваясь, разбились на две группы. В одну из них подтолкнули Диего. Тут же установили ворота – из кокосов, которые мало отличались от этого странного, черного кругляша под ногами. Диего отдался игре с первого прикосновения к мячу. Вот бы видели его сейчас одноклассники! Он так устал от их постоянных насмешек над его полнотой, кривыми ногами, медлительностью, неумением делать разные финты с мячом. А уж как он старался: проводил целые часы в своей комнате, пытаясь овладеть техникой – ничего не получалось. Поэтому ему всегда доставались или позиция второстепенного защитника, или скамейка запасных, не более. Но куда же подевалась вся его неуклюжесть сейчас?! Он чувствовал себя ловким, почти резиновым, ощущал себя так, будто может с этим мячом все! И мяч сам будто прилипал к его ногам. Не помня себя от счастья, Диего летал по всему полю как на крыльях.

В таком состоянии – полностью увлеченного игрой, орущего что-то своим новым товарищам на каком-то непонятном языке – и застал его отец, добравшийся до селения по едва заметной дороге. Рядом с ним сидел тот странный и веселый абориген, что нашел вчера Диего в лесу. Ночью, когда мальчик провалился в сон, он добрался до строителей и сразу же, попав в центр поисков, через местного переводчика успокоил Диего-старшего, что сын его в полном здравии. Однако забрать мальчика лучше завтра – ночью по зарослям двигаться опасно, да и не имеет смысла. Хотя отец и рвался ехать сразу же, но товарищи его успокоили, а абориген сказал, что останется на ночь в поселке строителей. И теперь Диего-старший присоединился к зрителям, собравшимся вокруг поляны. На него почти не обращали внимания, и, чтобы не останавливать магическое действие, он стал с интересом наблюдать за игрой.

Игра на поляне шла с переменным успехом. Изумляло Диего-старшего то, как хорошо играли эти ребята, как уверенно владели черным мячом, словно катали его с того момента, когда начали ходить. Им не хватало техники, но их энтузиазм и страсть с лихвой покрывали технические недостатки. Его сын же, напротив, выделялся на поле техническими трюками, заученными на школьных тренировках. Ведь вот что удивительно – все они сегодня, с этим мячом, удавались на ура. В какой бы сложной комбинации Диего-младший ни принимал этот маленький черный мяч, они тут же сливались, становясь единым целым, и Диего делал с мячом точно то, что ему хотелось именно в данный момент. Он, например, не только смог красиво закатить мяч между ног практически голого коротышки-вратаря, но и сделать несколько очень хороших передач, одна из которых тоже завершилась взятием ворот. И вот сейчас, при счете 5:5, Диего пытался занять удобную позицию в штрафной противника. Его команда заработала угловой удар, и обе команды, толкаясь плечами и локтями, топтались пред вратарем в надежде забить победный гол. Или предотвратить его. По уговору почему-то играли до шести голов.

Удар! Мяч медленно прошил пространство меж несколькими фигурами, руками и ногами и словно застыл над головой у Диего. Но вместо того чтобы выпрыгнуть и попытаться изменить направление мяча головой, мальчишка высоко взлетел, крутанувшись в воздухе всем телом, и в верхней точке, еще продолжая закручиваться, нанес сильнейший удар

по воротам. Вратарь даже не двинулся с места, тогда как мяч, с силой пролетев сквозь створ ворот и ударившись о землю, покатился по ней, поднимая белую пыль. Он остановил свое движение далеко за воротами, точно у ног того самого древнего страшного старика. Диего же при падении глубоко порезал ладонь левой руки о короткий, сухой стебель кустарника, неведь как пробившийся из потрескавшейся земли. Да еще мелким камушком легко оцарапал бровь. Мальчик встал, отряхнул пыльные шорты и футболку, оставив на груди кровавую полосу. Его уже обступили ребята из команды, что-то кричали, смеялись, хлопали по плечам и спине. Но Диего замер, увидев, как с краю поляны медленно направляется в его сторону тот самый древний старик. «Ты пришел, ты пришел наконец!» – услышал Диего, хотя и было выкрикнуто на непонятном для него языке: «Лет соро та кама вок!»

Глава 16

Начальнику Разведывательного
управления Генерального штаба РККА
генералу Ильичеву И. И.
16 декабря 1942 года

(Из докладной записки майора ГРУ Соломахина С. С.)

Товарищ генерал,
привожу полученный нашей аналитической группой документ, который подтверждает предварительную версию о заинтересованности бывшего руководства ОГПУ в деле по интересующему нас предмету.

ИЗ АРХИВОВ НКВД (6-й отдел)

Дело №38—9. Совершенно секретно. Стенограмма материалов прослушивания. Москва, Большая Лубянка, строение 11, кабинет 208

(Из книги посетителей заместителя Председателя ОГПУ Ягоды Г. Г.)

Дата 12 июня 1931 года Время: 04 часа 16 минут Посетители (вход – выход)

Карпов В. Г., лейтенант НКВД 04—16 05—27

– Разрешите, товарищ Ягода?

– Заходи, Карпов, докладывай, что у тебя там с этим Причиталовым.

– Э-ээ...

– Что – э-э-э?

– Э-ээ, я это...

– Что – это? Ты представь, что я не я, не Ягода, а, скажем, твой боевой соратник по подавлению Кронштадского мятежа. Ты ведь бы... *(шумы)* И мы с тобой вместе уничтожаем вра... *(шумы)* в одном ряду... И не на Лубянке ты сейчас, а в каптерке у своего дру...

– Так ведь я же на бумаге все изложил чисто...

– Бумага твоя, Василий, хороша, все правильно изложил. Но вот ошибок у тебя...

– Товарищ Ягода, дык не учи... *(шумы)*

– Ну ладно, что там твой бывший дру... *(шумы)*

– ...он мне и не друг, товарищ Ягода. Я когда до революции промышлял, угодил под него, мусора. Причиталов в МУСе тогда дознавателем был. Я тогда совсем молодой был, так вот он меня из каталажки вытащил, взял с меня слово, что я не под... *(шумы)*

– ...шо. *(шумы)*

– Пришел вчера, старик совсем стал, говорит, должок за тобой, но не тяжелый. Верю я вам, хочу документы с одного дела отдать, что ох... *(шумы)* закрыла 23 года назад. Утаил, что переписал. Мне ничего не надо, просто, говорит, знайте... Передай, говорит, самому главному, лично.

– Ты сам-то чит... *(шумы)* ...и пото... разговаривал с кем-нибудь еще?

– Я посмотрел по делу этого Филиппова. Ничего нет особенного. Умер от электрической молнии. У меня батя на сенокосе от молнии ум... *(шумы)* А бумажки уж больно ученые, цифры, да бук... *(шумы)* А уж про Хри... Спасителя так совсем ерун... *(шумы)* У меня мать каждый выходной там торчит. Я ей – у тебя сын в НКВД, а ты меня таким обра... *(шумы)*

– Ладно, Карпов, ты свободен, молодец.

- жу Со... сии (*шумы*)
- (*шумы*)
- ...же с Причиталовым?
- Все будет хорошо... (*шумы*) Свободен.
- Есть, товарищ Ягода!

Карпов вышел

Пауза 11 минут 32 секунды.

Связь с секретарем из кабинета.

(Соединение)

- Настенька, принеси мне чаю покрепче и свяжи меня с товарищем Кагановичем.
- Да, товарищ Ягода.

(Соединение, сигнал, расшифровка разговора только с одной стороны)

- И-ии, здравствуй, дорогой товарищ Каганович.
- Не сплю, на службе у пролетариата...
- Я тут с человечком одним побеседовал, конченная душа, царство ему небесное.
- Что говоришь?
- Да, души наши...
- ...охоже, наши с тобой волнения оправданны. Он мне бумажек принес стопку по Спасителю – не соскучишься, дорогой товарищ.
- Подтверждается, и еще как...
- Надо копать, вскрывать жмуrow, склеп за склепом.
- Думаю, что там, в их русских могилах, за которые они так держатся.
- А если нет, то что?
- Ты шутики со мной шутишь?
- А что Коба?
- Коба говно? Ты потише...
- Давай сначала костел это, церкву то бишь, закроем и прометелим все...
- Если нет... Да подожди ты взрывать!
- Ты указ подпишешь?
- Коба? Не шути!
- Совнар... Ну понятно. За твоей подписью...
- Я другого выхода не вижу... Нам этот черный булыжник пролетариата, как никогда, нужен. Угу, для борьбы, и именно сейчас!
- Думаю, целесообразно будет Тухачевского подключить, если булыжник найдем...
- Да, до связи.

РЕЗОЛЮЦИЯ

(правый верхний угол, голубые чернила)

Проанализировать в самые короткие сроки все возможные случаи по делу «Триггер», пересекавшиеся с бывшим Храмом Христа Спасителя в Москве.

Ильичев

(Из докладной записки майора ГРУ Соломахина С. С.)

Товарищ генерал,

по Вашему заданию составлена историческая справка по Храму Христа Спасителя по архивам Московской патриархии, архивам Государственного университета.

Выявлено возможное взаимодействие храма как такового и его служителей с интересующим нас объектом.

Поиски и анализ документов из архивов Царской разведки и дореволюционного Московского сыскного управления продолжаются.

(По архивам Московской Патриархии)

Храм Христа Спасителя был построен в благодарность за заступничество Всевышнего в критический период истории России как памятник мужеству русского народа в борьбе с наполеоновским нашествием 1812 года.

25 декабря 1812 года, когда последний солдат 600-тысячной армии Наполеона был изгнан из пределов России, Император Александр I, в честь победы российского воинства и в благодарность Богу, подписал Высочайший Манифест о построении в Москве церкви во имя Спасителя Христа и издал «Высочайший Указ Святейшему Синоду об установлении праздника декабря 25, в воспоминание избавления Церкви и Державы Российские от нашествия галлов и с ними двадцати язык»:

«В сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ российский, и в ознаменование благодарности нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились мы в Первопрестольном граде нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа...

Да благословит Всевышний начинания наши! Да простоит сей храм многие века, и да курится в нем пред святым Престолом Божиим кадило благодарности позднейших родов вместе с любовью и подражаньем к делам их предков!»

Замысел о строительстве храма-памятника принадлежал генералу армии Михаилу Ардалионовичу Кикину и был передан Александру I через адмирала Александра Семеновича Шишкова. Высказанная в царском Манифесте идея создания храма-памятника получила самую горячую поддержку во всех слоях русского общества, хотя и была необычной для своего времени.

12 октября 1817 года, через пять лет после выступления французов из Москвы, состоялась торжественная закладка Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, между Смоленской и Калужской дорогами. Однако после смерти Александра I новый самодержец России Николай I приказал приостановить все работы. В 1826 году строительство было прекращено.

Из сохранившихся архивов полиции известно, что «накануне принятия решения о прекращении строительства, произошла тайная встреча английского и французского посланника с Императором Николаем I, где, по нашим сведениям, обсуждалось не что иное, как выбор нового места под возведение храма. После встречи с посланниками Государь вышел озабоченным, но не угнетенным, как обычно после бесед с зарубежными гостями. Английский и французский посланники же находились в чрезвычайно возбужденном настроении. После этого царским личным указом была создана группа, которая в течение нескольких лет скрупулезно, по всем правилам земной и морской навигации, со всеми возможными тогда инструментами, строго по координатам изучала месторасположение нового строительства».

10 апреля 1832 года Император Николай I утвердил новый проект храма, составленный архитектором К. А. Тоном. Император лично избрал место для сооружения Храма Христа Спасителя, основываясь на изысканиях группы, – на берегу реки Москвы, неподалеку от Кремля.

Для этого пришлось разрушить многочисленные постройки, в том числе Алексеевский монастырь и церковь Всех Святых. По словам очевидцев, государь не раз упоминал о том, что ему необходимо построить самый большой храм в России для ее полного восстановления, процветания и возведения в статус самой сильной империи существующего мира. Этот храм должен быть возведен в одном из самых многонаселенных городов Российской Империи, с тем чтобы его посещало единоразово никак не менее честного, верующего народа, чем в Ватикане или Мекке.

По нашим сведениям, после этого происходило еще несколько встреч с посланниками, на одной из которых Николаю I был передан некий предмет, каковой Государь держал в личном сейфе, в своей летней резиденции.

10 сентября 1839 года состоялась торжественная закладка нового храма. Император присутствовал на оной, и в качестве первого камня низложил под плиту черный булыжник, который лично принес на церемонию в картонной коробке. Примечательно, что во время начала работы над рытьем котлована, при разборке плиты, этот булыжник не был найден. Он исчез бесследно. Было установлено, что какие-то злоумышленники подкопали плиту со стороны и похитили символический предмет. Розыск преступников, на который были брошены беспрецедентные силы полиции, не принесли никаких результатов. Известно, что поиски пропавшего предмета осуществлялись силами полиции и даже Третьего отделения вплоть до 1855 года, до самой смерти императора.

Существует версия, которую наша группа поддерживает, что Николай I был отравлен. По конспирологической версии царской полиции, он покончил жизнь самоубийством, приняв яд. Публике же преподнесли смерть как скоротечную пневмонию. Николай I, по свидетельству родственников, перед смертью запретил всякое вскрытие и бальзамирование своего тела.

Известно также, что оба посланника, французский и английский, были найдены мертвыми три дня спустя после смерти императора в их загородных резиденциях. Оба в одну и ту же ночь отравились угарным газом. Криминальное расследование не проводилось по причине официального закрытия дела с формулировкой «несчастный случай».

Следует предположить две версии. Первая – черный булыжник и есть интересующий нас предмет. Он или действительно был выкраден с места заложения церемониального камня и находится в неизвестном нам пока месте, либо – вторая версия – предмет остался в основании храма по недосмотру строителей, не придавших большого значения этому факту. Возможно, они приняли его за обыкновенный булыжник и отбросили в сторону.

Храм Христа Спасителя строился почти 44 года. Работы по возведению храма осуществлялись по повелениям императоров Александра I, Николая I, Александра II, Александра III. В начале 1918 года, в связи с изданием Декрета Советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», храм полностью лишился помощи от органов Советской власти. По благословению Патриарха Московского и всея Руси Тихона было создано Братство Храма Христа Спасителя, ставившее себе целью поддержание благолепия храма, сохранение православного быта. Организация существует до сих пор, несмотря на то что здание разрушено, и проходит в наших делах как контрреволюционная, за ней установлен постоянный служебный надзор 24-м отделом Внешнего наблюдения при Народном комиссариате Внутренних дел. Руководитель контроля – майор НКВД Сысоев А. В.

Храм был разрушен по приказу Совнаркома 5 декабря 1931 года. Разрушением руководил лично Л. Каганович.

ДОПОЛНЕНИЕ

Довожу до вашего сведения, что возросшая активность Абвера в США (по делу г-на Никола Теслы) в последние две недели – с 28 ноября по 15 декабря 1942 года – подтверждается и нашей агентурой в Германии.

Майор ГРУ Соломахин С. С.

Глава 17

70°4'36»N

170°51'12»E

Чукотка, Чаунский район, Российская Федерация.

31 марта, 2001 года

– Николай Алексеевич, не топчи тут и ничего не трогай. – Романов присел и, закуривая тонкую сигарету, прищурился на колеблющийся язычок пламени.

Судя по всему, труп пролежал здесь долгие годы. Человеческая плоть сгнила, истлела и утекла с вешними водами в Чукотское море, свинцовым зеркалом застывшее в нескольких десятках метров от валуна. Вместо одежды на человеке, когда он еще дышал и двигался, был балахон из проклеенной бумаги, с гагачьим пухом внутри. Почти истлевший, бедняга лежал в позе младенца, отчаянно защищая от мира то, что держал в руках. Позади него, в стальном каркасе за спиной, с несколькими уцелевшими лоскутками кожи по углам и ребрами китового уса – когда-то не то сумка, не то саквояж – обнаружился залитый свечным парафином брикет, в нем – рукопись размером с гостиничную Библию.

– Андреич, смотри, во что это он так вцепился?

Костлявые кисти крепко прижимали к груди небольшой черный предмет в форме шара размером с баранью голову. Прижимали так сильно, словно это было последнее, что хотел сохранить перед смертью человек.

Андрей Романов, взглянув на спутника и поморщившись как от зубной боли, произнес:

– Николай Алексеич, давай-ка ты возвращайся к ребятам в машину. Пусть они вызовут сюда следственную бригаду из района. Это их дело – дознаться, что тут произошло. Но, похоже, бедняга просто замерз, заблудившись. Давай, давай, Алексеич! – В его голосе послышалось нескрываемое нетерпение. – К машине! Что, тоже замерз? Да, и ружьишко мое прихвати. Похоже, отохотились мы с тобой сегодня.

Смешно ковыляя, Николай Алексеевич забросил ружье на плечо и побежал назад, на сопку, к одиноко стоящим внедорожнику и вездеходу.

Романов же наклонился над трупом, с интересом разглядывая странную одежду. Круглый предмет Романов определил для себя как обыкновенный мяч, который донельзя запинала дворовая ребятня. Снял перчатку, потрогал его. Пористый холодный камень. Каучуковый или резиновый окатыш. Затем, вынув из внутреннего кармана швейцарский складной нож, выпростал лезвие и аккуратно стал раздвигать фаланги, сжимавшие круглый предмет. Это, на удивление, оказалось крайне сложно. Если берцовая кость, которой он невзначай едва коснулся, рассыпалась по талому снегу, то фаланги пальцев словно приросли к черному куску. Отложив нож в сторону, Андрей взялся за мяч обеими руками и попытался вырвать его из объятий. Сильно, на себя и вверх. Труп оторвался от земли, череп отлетел в сторону, посыпались в обрывки одежды ребра. Мяч же остался в «последнем объятии» и не хотел расставаться со своим хранителем. «Сука! Ну ведь я же все равно тебя достану!» – разгоряченно подумал Романов. Схватив нож, он остервенело стал выскабливать мяч, палец за пальцем. Средний. Мизинец. Указательный. «Гадство!» Одна фаланга отскочила и, прежде чем затеряться в сугробе, ударила Романова прямо в бровь. Ножик же, скользя по заледенелому мячу, вспорол Романову ладонь левой руки. «Чертов фак!» Андрей крикнул вслед удаляющемуся: – Николай! Алексеич!

– Да, Андрей Андреич!

– Захвати в машине аптечку, я тут руку немного царапнул.

– Понял, шеф. Сейчас буду! – Николай Алексеевич, прибавив ход, заковылял к машинам.

С трудом, чтобы не испачкать кровью одежду, Романов достал из кармана бумажный платок, промокнул царапину на брови, приложил к ране и зажал ее пальцами. Затем с усмешкой положил руку на черный мяч на груди незнакомца. «Силен ты, братец!» Ощущение, что мяч вдруг стал неестественно теплым, поразило его. Наклонившись, он совершенно спокойно высвободил черный клубок из рук мертвеца. Ему даже показалось, что безголовый скелет потянулся и отдал его в новые руки. Отбросив окровавленную салфетку, Романов поднес мяч поближе и стал внимательно его разглядывать: черный, весит, может, около двух килограммов, в диаметре сантиметров пятнадцать. Сделан, видимо, из натурального каучука. В двух местах словно бы выгрызен или даже выщипан. Андрей вспомнил себя в детстве, сколько раз он получал по рукам от матери за такие вот «норки» в хлебе. Нет, но мяч действительно стал теплым, мягким и в то же время упругим! Романов сжал находку в руках посильнее, мяч отвечал каждому движению пальцев. Что-то необычайно притягательное было в этом странном предмете. Как старую, но любимую игрушку детства, его не хотелось выпускать из рук. Хотелось мять, катать его меж ладонями.

Андрей болезненно поморщился – глубокая колотая рана ладони опять вскрылась и испачкала поверхность мяча кровью. В то же самое мгновение мяч словно превратился в раскаленный утюг. Не успев ничего понять, Андрей рефлексивно отбросил его в сторону. Тот полетел, словно пушечное ядро, и, враз растопив лежалый снег, утонул в торосе. «Черт! Это глюки или на самом деле происходит? Мистика какая-то! Вроде не пил вчера». Позади захрустели шаги. Подходил Николай Алексеевич с одним из охранников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.